Россия и Азия

№ 1 (31), 2025 russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 1 (31), 2025 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте http:// russia-asia.org/
E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, независимый эксперт г. Манама, Бахрейн.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюля Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Москва, Россия.

Содержание

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Смирнов Е. Н. Изменение векторов трансграничных инвестиций и глобальных цепочек создания стоимости (на примере Китая и США) **6**

Меланьина М. В. Азиатский компонент во внешней политике Китая **17**

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Русакович В. И. Проблемы развития арабских государств на современном этапе и возможности их преодоления **29**

Сабон В. Л. «Голубая» экономика в АСЕАН как перспективный драйвер прогресса и опыт Индонезии **39**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Шкваря Л. В., Сергеева Дж. Р. Декарбонизация экономики: теоретические аспекты **48**

Шумкоски Г. Теория и практика регулирования в развивающихся странах **60**

АНОНС

Соловьёва Ю. В., Нежникова Е. А. Россия — Китай: взаимодействие и развитие **69**

Content

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Smirnov E. N. Changing Vectors of Cross-Border Investments and Global Value Chains (Based on the Case of China and the USA) **6**

Melanina M. V. The Asian component in China's foreign policy **17**

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Rusakovich V. I. The problems of the development of Arab States at the present stage and the possibilities of overcoming them. **29**

Sabon V. L. ASEAN's "Blue" Economy as a promising Driver of progress and Indonesia's experience **39**

ECONOMIC THEORY AND HISTORY

Shkvarya L. V., Sergeeva J. R. Decarbonization of the economy: theoretical aspects **48**

Sumkoski G. Theory and practice of regulation for developing countries **60**

THE ANNOUNCEMENT

Solovieva Yu. V., Nezhnikova E. A. Russia — China: interaction and development **69**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Изменение векторов трансграничных инвестиций и глобальных цепочек создания стоимости (на примере Китая и США)

Смирнов Евгений Николаевич[1]

В настоящей статье обобщены теория и практика изменений, наблюдающихся в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС) на современном этапе, как в контексте фундаментальных трансформаций на рынках капитала, так и под влиянием экономических отношений между отдельными странами, в том числе — в связи с продолжающейся глобальной дестабилизацией мировой системы во всех ее сегментах. Цель статьи — исследовать современные метаморфозы, происходящие на мировом рынке инвестиций и глобальных цепочек создания стоимости. Автором показано, что концепция глобальных цепочек создания стоимости в развитии мировой экономики не перестает быть популярной, однако сами глобальные цепочки создания стоимости испытывают жесткую трансформацию, которая была продемонстрирована в проведенном нами исследовании на примере Китайской Народной Республики и США, испытывающих уже затяжной торговый конфликт. Дополнительно обозначено, что важным фактором реконфигурации глобальных цепочек создания стоимости являются инструменты промышленной политики, подчеркивающие стремление стран к продвижению национальных интересов на мировом рынке. В итоге глобальные цепочки создания стоимости получают новое развитие на основе практики «френдшоринга», серьезно воздействующего на стратегии отдельных стран по привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Ключевые слова: *глобальная цепочка создания стоимости (ГЦСС); прямые иностранные инвестиции (ПИИ); международная торговля; трансформация; рынки капитала; френдшоринг.*

JEL коды: *E65, F01, G18.*

Введение

В современных условиях геополитических изменений в мировой экономике происходят существенные структурные сдвиги на рынках капитала. В частности, усиление трансграничных побочных эффектов вследствие глобальной интеграции финансов и отказа от нетрадиционной монетарной политики после эпохи низких процентных ставок в развитых

[1] *Смирнов Евгений Николаевич* — доктор экономических наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений Государственный университет управления, г. Москва, Россия.

странах стало ключевой проблемой для малых стран с высоким уровнем открытости экономики, а также ряда развивающихся государств. Потоки капитала во многих странах в последние десятилетия стали более чувствительны к глобальным изменениям.

С одной стороны, интеграция той или иной экономики в международные рынки капитала выгодна ей, поскольку позволяет эффективнее распределять риски и способствует росту прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в растущую экономику. С другой стороны, нестабильность потоков капитала несет угрозы для финансовой и экономической устойчивости. Так, режим гибкого валютного курса выступает буфером и инструментом адаптации, однако он не в силах изолировать экономику страны от экзогенных шоков, а гибкость валютного курса может привести к проциклическим последствиям, когда снижение этого курса будет ограничителем, и его рост усиливает способность домохозяйств и компаний к займам.

В контексте новых шоков на рынках капитала значительное внимание следует уделять тому, каким путем механизмы трансграничного производства и глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) могут способствовать повышению эффективности. Исторически научно-технический прогресс (НТП) обусловил снижение торговых издержек, что вместе с либерализацией торговли позволило странам извлекать выгоды из углубления международной специализации, когда этапы производства оказались рассеянными по разным странам, либо стало возможным импортировать ресурсы из многих экономик, ставших частью ГЦСС. Это предоставило преимущества для развивающихся стран с точки зрения завоевания ими позиций в глобальных цепочках создания стоимости.

К настоящему времени, однако, оптимизм по поводу ГЦСС начал иссякать и напротив, стали возникать опасения по поводу целесообразности их дальнейшего расширения, которое подвергает компании рискам новых сбоев — в результате возникновения экстремальных погодных явлений, пандемий, геополитических и торговых конфликтов между странами. Данный скепсис по отношению к ГЦСС комбинируется в последнее время со все более негативным восприятием экономической глобализации (Colantone et al., 2022), что, в частности, обусловлено проблемами сокращения занятости в производстве развитых стран вследствие конкуренции со стороны импорта из Китая (Dauth et al., 2014). Однако есть свидетельства и того, что дешевизна ресурсов из Китая способствовала росту конкурентоспособности промышленных компаний США (Amiti et al., 2020) и увеличению занятости в сфере услуг, компенсирующему потери рабочих мест в отраслях промышленного производства. Вместе с тем, эти выгоды не отражаются на взглядах общества по поводу либерализации торговли США и Китая (см.: Alfaro et al., 2023).

Наше исследование в целом посвящено анализу изменения подходов к организации трансграничных инвестиций и ГЦСС в условиях повышенной волатильности глобальных рынков капитала, на которые оказывают воздействие все новые шоки. Данные аспекты рассмотрены в данной работе на примере торгово-экономического сотрудничества Китайской Народной Республики и США.

Структурные изменения в глобальных потоках прямых иностранных инвестиций

В ответ на экзогенные финансовые шоки и волатильность потоков капитала страны часто комбинируют разные инструменты, например, сочетая меры по управления потоками капитала с макропруденциальной (ставшей популярной в последние годы), монетарной

политикой и интервенцией на валютном рынке. Валютные интервенции, в свою очередь, используются для формирования резервов, защиты от резких девальваций или ревальваций валюты. Более того, контроль за движением капитала предпринимается, когда всплывают недостатки достигнутой ранее либерализации капитала. Реакции политики стран на экзогенные шоки стали чрезвычайно разнообразными, и на международном уровне не сложилось никакого консенсуса по поводу оптимальной комбинации различных инструментов разных направлений политик. Широкое обсуждение на уровне МВФ (Gelos, Sahay, 2023. P. 2) означает, что подходы Фонда к либерализации и управлению потоками капитала, разработанные ранее, нуждаются в пересмотре.

Между тем, в последние годы, по мере воздействия кризисов, глобальные ПИИ претерпевали значительные структурные изменения (Смирнов, Лукьянов, 2021). На современном этапе важной задачей обеспечения устойчивости ПИИ стало достижение меньшей уязвимости ГЦСС к геополитической напряженности, рост которой, вместе с неравномерным распределением выгод от экономической глобализации, по мнению исследователей, усилил скепсис по поводу многосторонности (Кириллов, Миллер, 2020). Начало специальной военной операции (СВО), рост напряженности в торговле между США и Китаем, а также многие другие сбои и вызовы могут быть предвестниками диаметрального разворота глобальной экономической интеграции. «Слоубализация» («замедленная глобализация», как это справедливо отмечает Р. Болдуин, связана с последствиями глобального кризиса 2008–2009 гг. (Baldwin, 2022. P. 4), и в рамках слоубализации особенно заметным стало снижение доли ПИИ — с 2000–х гг. по настоящее время с 3,3% до 1,3% ВВП. Такому тренду способствовали многие факторы, и среди них эксперты указывают на технологические изменения и автоматизацию (Alonso et al., 2022), но также важную роль на уровне отдельных региональных блоков играет фрагментация потоков капитала, обусловленная геополитическими сдвигами.

Поэтому важна прежде всего оценка воздействия геополитических противоречий на общемировое распределение ПИИ. Но значение геополитики в развитии мировой экономики в последние десятилетия однозначно усилилось, приводя к появлению новых нарративов в стратегиях трансграничного движения капитала — решорингу, ниаршорингу и френдшорингу. Эти нарративы, в том числе френдшоринг (то есть ориентация в торговле и ПИИ на дружественные страны), используются для того, чтобы повысить устойчивость глобальных цепочек поставок к усилению геополитической напряженности. В этой связи США усиливают как меры экспортного контроля, ориентируясь на внутренние цепочки поставок, так и ограничение технологического импорта из Китая. Европа стремится к собственной стратегии автономии, а Китай — к замене импортных технологий альтернативами, произведенными на внутреннем рынке, чтобы снизить зависимость от их поставок из стран Запада. Государства в целом стремятся поддержать стимулирование своих отраслей обрабатывающей промышленности, идя на соответствующие сдвиги в трансграничном движении капитала. Это приводит к реконфигурации ГЦСС, в том числе — посредством френдшоринга, заменяющего офшоринг, который долгие годы был обусловлен межстрановыми различиями в стоимости факторов производства.

Такие фундаментальные изменения, безусловно, по-разному будут воздействовать на привлечение инвестиций развивающимися странами, что зависит от того, в какой сектор или страну осуществляются ПИИ. Так, результаты, полученные в исследовании С. Айяра, Д. Малакрино и А. Пресбитеро, указывает, что увеличение такого параметра, как

«геополитическая дистанция» между странами, может вести к экономически значимому и существенному сокращению ПИИ (Aiyar et al., 2024. P. 2). При этом для стратегических отраслей, а также для ПИИ в странах со средним и низким уровнем дохода, геополитическая дистанция играет бóльшую роль, чем для других отраслей и групп стран.

В связи с этим, современные исследования ПИИ во многом опираются на библиографию в области геоэкономики. Так, например, в научной литературе изучались каналы воздействия торговых ограничений на страны и компании (Clayton et al., 2023), рассматривалось воздействие геоэкономической фрагментации на финансовые потоки, инвестиции и торговлю в глобальном масштабе (Aiyar et al., 2023). В рамках данного пула исследований приводились убедительные доказательства того, что недавние геополитические сдвиги и рост напряженности в торговле, а также беспокойство относительно ущемления национальной безопасности, ведут к значительной перестройке ГЦСС и, соответственно, — торговых и инвестиционных связей в рамках этих цепочек (Alfaro, Chor, 2023).

Отдельного внимания заслуживают исследования, где анализировались классические детерминанты ПИИ (например, историческая общность) (Blonigen, Piger, 2014), в том числе ПИИ описывались на основе обычных двусторонних потоков. Вместе с тем, важно учитывать, что современные ПИИ обусловлены не только близостью стран — экспортеров капитала и принимающих стран (институциональной, культурной, географической), но и решением геополитических проблем между ними (Мога, Горбунова, 2023). Р. Десбордес указывает на особую роль дипломатических и политических отношений в привлечении ПИИ, рассматривая этот аспект на примере США (Desbordes, 2010), а Дж. Ли — на примере Китая (Li et al., 2018). В свою очередь, О. Бертран, М. Бетчингер и А. Сеттлз делают акцент на том, каким образом геополитическая дистанция оказывает воздействие на эффективность трансграничных поглощений компаний (Bertrand et al., 2016). В этой связи Дж. Дамиоли и В. Грегори отмечают, что трансграничные поглощения компаний Европы более вероятны при геополитической удаленности стран происхождения и назначения (Damioli, Gregori, 2022). Также интересна литература, свидетельствующая о том, как геополитические отношения между странами сказываются на международном распределении многостороннего кредитования или двусторонней помощи (Faye, Niehaus, 2012), при этом само улучшение отношений влияет на потоки помощи, рост объемов ПИИ и на трансграничную торговлю.

В современных условиях потоки ПИИ склонны все в большей степени концентрироваться между дружественными государствами. Геополитическая напряженность, видимо, продолжит возрастать, и трансграничные ПИИ все больше будут концентрироваться на внутриблоковом уровне (то есть внутри определенных блоков, например ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ССАГПЗ и т. д.), что будет означать дополнительные потери для глобального производства. В то же время исследования А. Харрисона и А. Родригез–Клэр показывают значимость ПИИ в создании рабочих мест, трансферте знаний и накоплении капитала в странах, принимающих ПИИ, что положительно сказывается на их экономическом росте (Harrison, Rodriguez–Clare, 2010). Фрагментация ПИИ выступает результатом развития трансграничного экономического сотрудничества, все более движимого геополитическими факторами, а привлечение ПИИ все больше определяется соображениями национальной безопасности.

Факторы изменений глобальных цепочек создания стоимости

Пандемия, торговый конфликт между США и Китаем и геополитические конфликты оказали серьезное давление на ГЦСС. Структура участия США и Китая в этих цепочках серьезно изменилась за последние десятилетия, но особенно — начиная с 2017 г., обусловив их серьезную трансформацию. Так, например, сократились прямые поставки из Китая и США, а доля импорта продолжает расти в странах с низкими трудовыми издержками.

Значительное воздействие на ГЦСС и международную торговлю в последние годы стали оказывать разного рода инструменты промышленной политики, и исследования последних лет подтверждают потенциал воздействия промышленной политики на международные сети производства как через глобальную, так через внутреннюю экономику (Barattieri et al., 2024; Liu, Tsyvinski, 2024). За последние полтора десятилетия развивающиеся страны уделяют внимание «центральным» участкам ГЦСС (то есть тем, где, например, происходит сборка готовой продукции), тогда как развитые страны — «крайним» участкам (то есть тем, где сосредоточены различного рода услуги). Последнее передовое исследование В. Георгиевой приводит результаты, согласно которым для «центральных» секторов обычно используется промышленная политика в виде экспортных ограничений и субсидий, а для «крайних» — антидемпинговые пошлины и тарифы на импорт (Georgieva, 2025. P. 2–3). При этом промышленная политика больше применяется в тех секторах, которые зависят от импорта ресурсов.

Неслучайна в данной связи популяризация исследований промышленной политики в последнее время: так, С. Эвенеттом изучал ее динамику (Evenett et al., 2024), Д. Ротанно — ее воздействие на международную торговлю (Rotunno, Ruta, 2024), Р. Юхас — мотивы промышленной политики (национальная безопасность, стратегическая конкурентоспособность) и целевые товары (минеральное сырье, полупроводники и пр.) (Juhász, et al., 2024), Р. Воскеричян, Ю. Соловьёва (2017) — взаимосвязь кластеризации и промышленной, в т. ч. региональной, политики. Единого мнения о сущности промышленной политики в научном сообществе так и не сложилось, а ее, в частности, принято идентифицировать как вмешательство государства с целью поддержки отечественных компаний или отраслей, направленное на достижение национальных целей. Многие современные исследования связывают промышленную политику с результатами международной торговли, в частности, изучалось влияние внутренних субсидий на экспорт и импорт, и одна из последних работ рассматривала воздействие субсидий в судостроении Китая на дальнейший рост экспорта (Barwick et al., 2024). Кроме того, распространяющиеся в последние годы преференциальные торговые соглашения способны существенно ограничивать торговые эффекты промышленной политики, которая способна широко распространяться через сети производства, и в исследовании Е. Лю рассмотрены эти эффекты в зависимости от влияния промышленной политики на то, в каком сегменте ГЦСС находится отрасль (Liu, 2019).

В целом, несмотря на международное распространение промышленной политики (учитывая в том числе и эффекты современной геоэкономической фрагментации), положение той или иной отрасли и ее роль в национальной экономике также оказывает влияние на то, станет ли она объектом промышленной политики. Кроме этого, страны могут использовать промышленную политику, стремясь к тому, чтобы их конкретные отрасли заняли центральные позиции в ГЦСС.

Классическим примером для нашего исследования служит экономика США, основной импорт которой исторически поступал из других развитых стран, и сдвиг этого импорта в сторону государств с развивающимися рынками и с дешевыми трудовыми ресурсами начался в 1990–х гг., когда Канада и Япония уступили определенную долю своего импорта соответственно Мексике и Китаю. Вместе с тем, большая часть ПИИ продолжала поступать в США из Японии (ПИИ заменили часть японского экспорта). В 1990–е гг. США зарекомендовали себя как экспортера некоторых видов промежуточной продукции (например, микросхем), направляемых за рубеж для последующей сборки готовой продукции, которая затем импортировалась в США. В свою очередь, торговый профиль США к концу 2000–х гг. существенно изменился — они снизили импорт нефти и других энергоносителей.

Тенденции к уходу от экономической глобализации в последние годы еще не привели к резкому сокращению доли международной торговли в глобальном ВВП, как это задокументировано во многих источниках (Goldberg, Reed, 2023). Более того, импорт товаров в США резко возрос после пандемии до рекордного уровня в 2022 г., маскируя, однако, серьезные изменения в товарной и географической структуре самого импорта. Так, в 2017–2022 гг. доля Китая в товарном импорте США снизилась с 21,6% (рекордное значение) до 16,5%, и это перераспределение источников поставок в США наблюдается в пользу, например, Вьетнама, доля которого в импорте США возросла на 2%, равно как возросла и доля Мексики. Такая тенденция «френдшоринга» (или «ниаршоринга») отмечена в некоторых современных источниках (Grossman et al., 2023). По некоторым товарам, где Китай утратил позицию экспортера в США, Мексика и Вьетнам увеличили свою долю на рынке США (в частности, Вьетнам — на рынке телефонов, текстиля; Мексика — на рынке запчастей для автомобилей). Одновременно Китай перестал быть наиболее предпочтительным реципиентом прямых иностранных инвестиций из США.

Тарифный протекционизм США в отношении Китая и его влияние на ГЦСС

Фундаментальной детерминантой перераспределения в ГЦСС стала политика протекционизма США, обозначившаяся с 2018 г. введением тарифов в отношении импорта из Китая (эти тарифы подробно обсуждены в литературе в последних лет (Bown, 2023; Chor, Li, 2021; Handley et al., 2020). Как при Д. Трампе, так и при Дж. Байдене не было никаких сигналов к тому, что эти тарифы будут снижаться, и более того, они рассматривались в качестве рычага воздействия на Китай (Lawder, 2022). Параллельно власти США стимулировали френдшоринг, а также ниаршоринг, чтобы уменьшить геополитические риски для цепочек поставок. Разворот администрации Дж. Байдена к масштабной промышленной политике и соответствующему применению субсидий был призван поддержать производство промышленных товаров в США.

Эти меры, очевидно, приведут к серьезным изменениям в ГЦСС с участием в США. Однако зависимость США от Китая не будет снижаться весомо: при сокращении доли Китая в импорте США его удельный вес в европейском импорте возрос, и к тому же увеличилась торговля и ПИИ Китая в Мексику и Вьетнам. Получается, что США опосредованно остаются зависимыми от Китая посредством связей с третьими странами. Кроме того, есть свидетельства, что американские тарифы в отношении импорта из Китая почти полностью оплачиваются потребителями США за счет более высоких цен (Cavallo et al., 2021), то есть американские тарифы, видимо, провоцируют инфляцию в США, и необходимы

дополнительные исследования для понимания выгод от тарифов, получаемых потребителями США, и того, как эти выгоды могут компенсировать указанный рост цен.

После потрясений последних лет совокупные объемы торговли остались устойчивы, однако ГЦСС существенно трансформировались, особенно это коснулось стран–поставщиков. Так, структура импорта в США перераспределилась. Китай за 2017–2022 гг. потерял 5% доли в импорте США, а лидером роста среди импортеров стал Вьетнам, тогда как Индия, Тайвань и Южная Корея продемонстрировали незначительный рост. Доля ключевых стран ЕС в импорте США падала, тогда как доля Мексики и Канады — росла.

Несмотря на снижение взаимной торговли и ПИИ США и Китая, косвенные связи этих двух стран по цепочкам поставок остались нетронутыми, а за счет экономических связей Вьетнама и Мексики с Китаем эти косвенные связи даже усилились. США потребляет около 25% вьетнамского экспорта и почти 80% мексиканского экспорта. В то же время, в импорте Вьетнама доля товаров из Китая возросла в 1994–2022 гг. с 9% до 40%, включая микросхемы, текстиль, телефонные аппараты. В Мексике доля импорта из Китая выросла в 1994–2022 гг. с 1% до 20%, тогда как доля США в импорте Мексики снизилась (Alonso et al., 2022). Аналогично росла доля Китая в импорте ЕС, а доля США снижалась. Важно учитывать, что растущий китайский экспорт промежуточной продукции (деталей и компонентов) поступает во Вьетнам, Мексику, страны ЕС, в этих странах собирается в готовую продукцию, которая далее и экспортируется в США. Таким образом, Китай остается (и будет оставаться) ключевым игроком на начальном этапе цепочек поставок товаров в США. Цепочки, видимо, особо не изменятся, поскольку есть доказательства (Kim, Shin, 2023), что, если в них будут включены третьи страны, издержки компаний возрастут и цены на продукцию также вырастут, отражаясь на конечных потребителях.

Параллельно наблюдался рост активности производства в нескольких отраслях промышленности США, в частности, в производстве полупроводников, автомобилестроении и электронике. Частично этот рост был обусловлен тарифами США на китайский импорт, а также другими изменениями в промышленной политике США, и те отрасли, которые были в центре внимания данной политики, демонстрируют рост занятости, но устойчивость данной тенденции еще нуждается в проверке. Вместе с тем мы указывали на то, что несмотря на снижение прямой зависимости США от тех цепочек поставок, которые связаны с Китаем, растет импорт из Китая другими странами. Китаю все же становится все сложнее обойти нынешние ограничения торговой политики США, а также ограничения, например, в Европейском союзе, однако он может, по образцу Японии 1970–х гг., увеличить свои ПИИ в Мексике и Вьетнаме.

Следует учитывать также растущие издержки и потери благосостояния потребителей, связанные с трансформацией ГЦСС. Исследования последних лет изучали роль политики, направленной на экономическое сближение с альтернативными партнерами, в потерях благосостояния (Javorcik et al., 2022), а также издержки промышленной политики США (Bistline et al., 2023). В частности, тарифы США на импорт из Китая были дорогостоящими, удорожая импорт из Китая, но также повышая импортные цены при поставках из альтернативных стран (Вьетнама). Тем не менее, политика ниаршоринга, решоринга или френдшоринга может быть оправданной, если выгоды от нее перевесят потери, например, обновленная промышленная политика будет иметь какие-либо побочные эффекты (более подробно см., например: Bartelme et al., 2019). Часто такие эффекты связывают с агломерационной экономикой, точнее, с географической близостью, например, между

фирмами Мексики и США (такой агломерационный эффект имел в свое время место для японских ТНК). Более того, позиция исследователей (Alfaro, Chen, 2014) сводится к тому, что дочерние компании ТНК за рубежом могут продемонстрировать свою большую «агломеративность», чем национальные компании, в науко– и капиталоемких отраслях, использующих квалифицированную рабочую силу (за счет, например политики формирования кластеров).

Список литературы

1. Воскеричян Р. О., Соловьёва Ю. В. (2017) Промышленные кластеры в России: стратегический и региональный аспекты // Инновационная экономика. № 1 (10). С. 3. [Voskerichyan R. O., Solovieva Yu. V. (2017) Industrial clusters in Russia: strategic and regional aspects // Innovative economy. No. 1 (10). P. 3. (In Russian).].

2. Кириллов В. Н., Миллер Я. В. (2020) Глобальные цепочки создания стоимости в современной международной торговле. М.: Спутник+. 151 с. [Kirillov V. N., Miller Ya. V. (2020) Global value chains in modern international trade. Moscow: Sputnik+. 151 p. (In Russian).]

3. Мога И. С., Горбунова Л. П. (2023) Россия в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов: Сб. материалов XVI Международной научно-практической конференции. СПб: Печатный цех. С. 159–165. [Moga I. S., Gorbunova L. P. (2023) Russia in a changing geopolitical context: priorities of international cooperation / Development of modern science and technology in the context of transformational processes: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: Printing shop. Pp. 159–165. (In Russian).]

4. Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А. (2021) Глобальные прямые иностранные инвестиции: структурные изменения в условиях текущего кризиса // Экономика региона. Т. 17. № 3. С. 1014–1026. [Smirnov E. N., Lukyanov S. A. (2021) Global foreign direct investment: structural changes in the current crisis // The economy of the region. Vol. 17. No. 3. Pp. 1014–1026. (In Russian).] DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-21

5. Aiyar S., Malacrino D., Presbitero A. F. (2024) Investing in Friends: The Role of Geopolitical Alignment in FDI Flows. NCAER Working Paper, No. 158. National Council of Applied Economic Research (NCAER), New Delhi, January, 26 p.

6. Aiyar S., Presbitero A., Ruta M. (2023) Geoeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy. London and Paris: CEPR Press.

7. Alfaro L., Chen M. X. (2014) The Global Agglomeration of Firms // Journal of International Economics. Vol. 94 (2). Pp. 263–276.

8. Alfaro L., Chen M. X., Chor D. (2023) Can Evidence–Based Information Shift Preferences Towards Trade Policy? / NBER Working Paper, No. 31240. National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, 69 p.

9. Alfaro L., Chor D. (2023) Global supply chains: The looming «great reallocation». NBER Working Paper, No. 31661 / National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, 49 p.

10. Alonso C., Berg A., Kothari S., Papageorgiy K., Rehman S. (2022) Will the AI revolution cause a great divergence? // Journal of Monetary Economics. Vol. 127. Pp. 18–37.

11. Amiti M., Dai M., C. Feenstra R., Romalis J. (2020) How did China's WTO Entry Affect US Prices? // Journal of International Economics. Vol. 126. P. 103339. DOI: 10.1016/j.jinteco.2020.103339

12. Baldwin R. (2022) Globotics and Macroeconomics: Globalisation and Automation of the Service Sector // SSRN Electronic Journal. DOI: 10.2139/ssrn.4184303

13. Barattieri A., Mattoo A., Taglioni, D. (2024) Trade effects of industrial policies, are preferential agreements a shield? World Bank Policy Research Working Paper, No. 10806. World Bank Group, N.Y., 24 p.

14. Bartelme D. et al. (2019) The Textbook Case for Industrial Policy: Theory Meets Data. NBER Working Paper, No. 26193 / National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, 90 p.

15. Barwick P. J., Kalouptsidi M., Zahur N. (2024) Industrial policy implementation: Empirical evidence from China's shipbuilding industry // Journal of Economic Perspectives. Vol. 38 (4). Pp. 55–80.

16. Bertrand O., Betschinger M.–A., Settles A. (2016) The relevance of political affinity for the initial acquisition premium in cross-border acquisitions // Strategic Management Journal. Vol. 37 (10). Pp. 2071–2091. DOI: 10.13140/RG.2.1.5108.4009

17. Bistline J., Mehrotra N. R., Wolfram C. (2023) Economic Implications of the Climate Provisions of the Inflation Reduction Act. Brookings Papers on Economic Activity, Springer, 68 p.

18. Blonigen B. A., Piger J. (2014) Determinants of foreign direct investment // Canadian Journal of Economics. Vol. 47 (3). Pp. 775–812.

19. Bown C. (2023) US–China Trade War Tariffs: An Up-to-Date Chart. Peterson Institute for International Economics (PIIE), April 6. URL: https://www.piie.com/research/piie-charts/2019/us-china-trade-war-tariffs-date-chart.

20. Cavallo A., Gopinath G., Neiman B., Tang J. (2021) Tariff Pass–Through at the Border and at the Store: Evidence from US Trade Policy // American Economic Review: Insights. Vol. 3 (1). Pp. 19–34. DOI: 10.1257/aeri.20190536

21. Chor D., Li B. (2021) Illuminating the Effects of the US–China Tariff War on China's Economy / NBER Working Paper, No. 29349. National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, 75 p.

22. Clayton C., Maggiori M., Schreger J. (2023) A framework for geoeconomics / NBER Working Paper, No. 31852. National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, 40 p.

23. Colantone I., Stanig P., Ottaviano G. (2022) The Backlash of Globalization // Handbook of International Economics. Vol 5. Pp. 405–477.

24. Damioli G., Gregori W.D. (2022) Diplomatic relations and cross-border investments in the European Union // European Journal of Political Economy. Vol. 76 (C). P. 102261. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2022.102261

25. Dauth W., Findeisen S., Seudekum J. (2014) The Rise of the East and the Far East: German Labor Markets and Trade Integration // Journal of the European Economic Association. Vol. 12 (6). Pp. 1643–1675.

26. Desbordes R. (2010) Global and diplomatic political risks and foreign direct investment // Economics & Politics. Vol. 22 (1). Pp. 92–125.

27. Evenett S. et al. (2024). The return of industrial policy in data / IMF Working Paper, No. 24/001. International Monetary Fund (IMF), Wash., DC, 30 p.

28. Faye M., Niehaus P. (2012) Political Aid Cycles // American Economic Review. Vol. 102 (7). Pp. 3516–3530. DOI: 10.1257/aer.102.7.3516

29. Gelos G., Sahay R. (2023) Shocks and Capital Flows: Policy Responses in a Volatile World / International Monetary Fund, Publication Services, Wash., DC, 490 p.

30. Georgieva V. (2025) Production Network Features of Industrial Policy / IMF Working Paper, No. 25/23. International Monetary Fund (IMF), Wash., DC, 61 p.

31. Goldberg P. K., Reed T. (2023) Is the Global Economy Deglobalizing? And If So, Why? And What Is Next? / NBER Working Paper, No. 31115. National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, 49 p.

32. Grossman G., Helpman E., Redding S. (2023) When Tariffs Disrupt Global Supply Chains / NBER Working Paper, No. 27722. National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, 23 p.

33. Handley K., Kamal F., Monarch R. (2020) Rising Import Tariffs, Falling Export Growth: When Modern Supply Chains Meet Old-Style Protectionism / NBER Working Paper Series, No. 26611. National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, 51 p.

34. Harrison A., Rodriguez–Clare A. (2010) Trade, foreign investment, and industrial policy for developing countries // Handbook of development economics. Vol. 5. Pp. 4039–4214.

35. Javorcik B. et al. (2022) Economic Costs of Friend–Shoring. EBRD Working Paper, No. 274. European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), 25 p.

36. Juhász R., Lane N., Rodrik D. (2024) The new economics of industrial policy // Annual Review of Economics. Vol. 16. Pp. 213–242.

37. Kim S.–J., Shin H.S. (2023) Theory of Supply Chains: A Working Capital Approach / BIS Working Paper, No. 1070. Bank For International Settlements (BIS), Basel, 40 p.

38. Lawder D. (2022) USTR Tai Calls US Tariffs on Chinese Goods «Significant» Leverage Reuters, June 22. URL: https://www.reuters.com/business/ustr-tai-says-us-tariffs-chinese-goods-are-significant-leverage-2022-06-22/

39. Li J., Meyer K. E., Zhang H., Ding Y. (2018) Diplomatic and corporate networks: Bridges to foreign locations // Journal of International Business Studies. Vol. 49 (6). Pp. 659–683. DOI: 10.1057/s41267-017-0098-4

40. Liu E. (2019) Industrial policies in production networks // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 134. Pp. 1883–1948. DOI: 10.1093/qje/qjz024

41. Liu E., Tsyvinski A. (2024) A dynamic model of input–output networks // The Review of Economic Studies. Vol. 91 (6). Pp. 3608–3644. DOI: 10.1093/restud/rdae012

42. Rotunno L., Ruta M. (2024) Trade spillovers of domestic subsidies / IMF Working Paper, No. 24/041. International Monetary Fund (IMF), Wash., DC, 57 p.

Changing vectors of cross-border investments and global value chains (using the example of China and the United States)

Evgeny N. Smirnov,

Dr Sc. (Economics), Professor, Head of World Economy and International Economic Relations Department, State University of Management, Moscow, Russia.

This article summarizes the theory and practice of changes observed in global value chains at the present stage, both in the context of fundamental changes in capital markets and under the influence of economic relations between individual countries, including in connection with the ongoing global destabilization of the global system in all its segments. The purpose of the article is to explore the current changes taking place in the global investment market and global value chains. The author shows that the concept of global value chains in the development of the global economy does not cease to be popular, but the global value chains themselves are undergoing a severe transformation, which was demonstrated in our study by the example of the People's Republic of China and the United States, which are already experiencing a protracted trade conflict. Additionally, it is indicated that an important factor in the reconfiguration of global value chains are industrial policy instruments that emphasize the desire of countries to promote national interests in the global market. As a result, global value chains are undergoing new development based on the practice of «friendshoring», which seriously affects the strategies of individual countries to attract foreign direct investment (FDI).

Keywords: *global value chain (GCCC); foreign direct investment (FDI); international trade; transformation; capital markets; friendshoring.*

JEL codes: *E65, F01, G18.*

Азиатский компонент во внешней политике Китая

***Меланьина Мария Вячеславовна*[1]**

В условиях деглобализации и фактического разрушения либеральных принципов мировой торговли, сохранявшихся с момента создания ГАТТ, активизируется переформатирование международных отношений на региональных уровнях и актуализируется изучение этого процесса, особенно затрагивающего крупные страны, такие как Китай, который — в условиях роста глобальных вызовов его экономическому развитию и внешней торговле, с одной стороны, и жизненной необходимости сохранять обширные внешнеторговые связи, с другой, — на протяжении ряда лет стремится сформировать благоприятную внешнеэкономическую среду в ареале стран–соседей и в целом все больше ориентируется на партнеров в странах Азии. Этот исторический процесс критически важен не только для Китая, но и для мировой экономики и международных отношений, так как, по сути, создает новую мировую архитектуру, затрагивающую хозяйственную деятельность на глобальном, региональном и страновом уровне. Понимание бэкграунда и принципов этой архитектуры, и особенно последствий ее формирования, имеет важное научное и практическое значение, в том числе в перспективе. В статье поставлена цель проанализировать концептуальные и фундаментальные основы международных отношений Китая и стран Азии на современном этапе и установить их характеристики, систематизировать их особенности. Предметом исследования выступают основы международного экономического сотрудничества Китая со странами Азии, которое автор во многом рассматривает как инструмент Китая в попытке трансформировать систему международных отношений в направлении «китайской» специфики. «Исходной точкой» (но, безусловно, не конечной) этого процесса является Азия, наиболее близкий Китаю, быстроразвивающийся и перспективный регион мира. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что Китай стремится обеспечить реализацию выгодной ему политики «открытого регионализма» в Азии, что фундаментально повлияет на развитие — азиатское и глобальное — в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: *Китай, Азия, экономические отношения, трансформация торговли, «мягкая» сила, «открытый регионализм», концепция «периферийной дипломатии».*

JEL коды: *F02, F12, F13.*

Введение

Постановка проблемы. Китай — одна из наиболее значимых стран Азии и мира в целом, один из крупнейших мировых производителей и экспортеров, государство, активная и последовательная, но «мягкая» внешнеторговая экспансия которого на протяжении многих

[1] *Меланьина Мария Вячеславовна* — кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

десятилетий выступала важнейшим фактором национального экономического роста и социального прогресса (Хэ и др., 2020). Для реализации своих прагматичных задач страна вовлекает в сферу своих экономических интересов все более многочисленных партнеров в различных уголках мира, в том числе и с помощью различных инициатив, таких как «Пояс и путь» (Шкваря, 2021).

Однако в последние годы Китай во внешнеэкономической сфере все чаще сталкивается с обширными, глубокими и весьма разнообразными проблемами, с давлением и дискриминацией на рынках развитых стран, которые остаются ведущими внешнеторговыми партнерами КНР. При этом в ряде исследований утверждается, что «… отсутствие у Китая компромисса и согласия с партнерами ставит под сомнение понимание Китаем ситуации и его способность ее контролировать в условиях ухудшающихся отношений КНР с США» (Bora, 2020), а общественное мнение западных стран в отношении Китая весьма неоднозначно (Ковтун, 2023), формируя в целом неблагоприятную среду для сотрудничества. Все это в совокупности позволяет на современном этапе говорить о кризисе внешних торгово–экономических отношений Китая, и этот кризис подпитывается общим ростом глобальной нестабильности, экономического национализма, протекционизма и внешнеторговых конфликтов, нарушением производственных и транспортно–логистических цепочек.

К тому же в национальной экономике Поднебесной в последнее десятилетие сформировался ряд серьезных структурных проблем, нарушивших ее внутреннюю устойчивость (Русакович, 2023) и требующих от КНР серьезных усилий по их устранению или, как минимум, смягчению.

Актуальность темы. Китаю в настоящее время важно найти способы одновременно решить как внутренние проблемы — путем достаточно глубокой трансформации национальной экономики, а также институциональной базы, — так и обеспечить экспортные возможности и найти новые драйверы стабильного роста. Поэтому в фокус внимания КНР попали государства Центральной Азии (Суходолов, 2020), АСЕАН (Петрунина, 2014), БРИКС (Соловьёва, 2015), Монголия (Oyun, 2018) и др. А поскольку с каждым партнером Китай стремится сформировать собственную специфику сотрудничества, все это вызывает интерес исследователей. Как и те основы, на которых Китай стремится создавать благоприятную для себя внешнеэкономическую среду.

Анализ последних исследований и публикаций. Важнейшим внешнеторговыми партнерами Китая на протяжении последних десятилетий оставались (да и сегодня все еще остаются) государства Запада, прежде всего США и страны ЕС, как наиболее емкие и платежеспособные рынки для подавляющего большинства китайских товаров — от текстиля до компьютеров, телефонов, различного оборудования и другой высокотехнологичной продукции. С этими партнерами у КНР сформирована достаточно разветвленная двусторонняя и многосторонняя договорно–правовая база сотрудничества, что раскрыто в работах Хэ М. (Хэ, 2020) Однако, несмотря на это, многие авторы (как российские, так и иностранные) отмечают рост конфликтности во внешнеторговой сфере между Китаем и западными государствами — как США, так и ЕС, — что негативно влияет на экономику Китая и всю глобальную экономическую и торговую систему (Фадва, Ишмухаметова, 2024; Tu et al., 2024; Пак, 2020). Также одним из факторов роста нарастающих проблем между Китаем и западными странами выступает неспособность ВТО обеспечить исполнение тех договоренностей, которые принимались этой организацией и ее участниками, в том числе и Китаем,

стремившимся присоединиться к ВТО для обеспечения стабилизации своей внешнеторговой сферы (Хэ, 2013а), но фактически не достигшим этого.

Поэтому эксперты отмечают процесс переворматирования внешней торговли, и в целом внешней экономической политики, Китая в различных аспектах (Хао, 2023), а также отмечают и предпринимаемые КНР попытки с помощью «мягкой силы» трансформировать мировую систему хозяйствования и международные отношения. В частности, заслуживает внимания идея о том, что «… Пекин выступает за реформирование существующей системы, однако динамичность концепций «Идеи Си Цзиньпина» и их раздробленность не позволяют увидеть модель «идеальной» системы, предлагаемой КНР (Нежданов, 2022). К тому же стоит отметить, что Китай, обвиняя ВТО, США, ЕС в дискриминации и протекционизме, практически исключительно делает это с упором не столько на ущерб самому Китаю, сколько с акцентом на разрушения, приносимые протекционистской и дискриминационной практикой глобальной системе и ущербом всему миру с целью получить поддержку мирового сообщества. При этом грубые и нелигитимные санкции «коллективного Запада» под эгидой США против России, Ирана, Сирии, Ливии, КНДР, Кубы, Мьянмы и десятков других стран, также недопустимым образом на протяжении десятилетий расшатывавшие и разрушавшие глобальные устои и нарушавшие международное право, дискриминировавшие соответствующие страны, приводившие к гуманитарным бедствиям, никогда не вызывали у КНР столь резкого неприятия.

Выделение нерешенной проблемы. Страны Азии чрезвычайно привлекают Китай сегодня как внешнеторговые партнеры, так как именно этот регион остается одним из наиболее динамично развивающихся в мире (Родионова, 2020), причем развитие затрагивает как промышленное и сельскохозяйственное производство, так и транспорт, инновации, финансы, науку, международную торговлю и т. д. (Solovieva, He, 2022). В то же время рост торгово–экономического сотрудничества Китая с Азией может создавать (непосредственным партнерам и третьим странам) как новые возможности, так и новые вызовы. Например, не совсем понятно, что означает постоянно упоминаемый в последние годы с высоких трибун Поднебесной «китайский стиль» в сотрудничестве, и что именно включает в себя формирование «сообщества единой судьбы» Китая и его азиатских партнеров. К тому же некоторые авторы отмечают, что «… дисбаланс в плане политического влияния и экономического потенциала вызывает вопросы о равноправности двустороннего сотрудничества, обеспечение которого становится ключевым для выстраивания долгосрочных партнерских связей» (Китаев, 2024).

Однако сегодня все еще недостаточно исследований, посвященных систематизации и типологизации торгово–экономических отношений Китая и Азии, в то время как необходимость таких исследований важна как для Китая и его азиатских партнеров, так и для мировой экономики в целом и третьих стран, например, для России, стремящихся усовершенствовать торгово–экономическое сотрудничество с КНР в перспективе.

Результаты исследования

Азия: новые возможности и вызовы

В XXI веке изменения в глобальной экономической системе и ее архитектуре разворачиваются беспрецедентным образом и с высокой скоростью при наличии ряда негативных аспектов в этом процессе. Азия и большинство ее макрорегионов находится в

эпицентре крупных и весьма разнообразных изменений в мире, сталкиваясь как с беспримерными возможностями для развития, так и с глубокими вызовами. Азия богата землей и природными минеральными ресурсами, населением и талантами, разнообразными культурами и, как правило, многовековым опытом развития и хозяйственной деятельности. В целом в последние несколько десятилетий здесь сохранялся экономический рост (рис. 1). Азия удвоила свою общую экономическую долю в мире всего примерно за 40 лет, совершила качественный скачок от региона с низким уровнем дохода к среднему уровню и сформировала импульс для дальнейшего развития и подъема. В последние годы Азия, являясь важным двигателем восстановления и экономического роста в мире, внесла более 50% в мировой экономический рост, превосходя по производству ВВП все остальные макрорегионы мира (рис. 1).

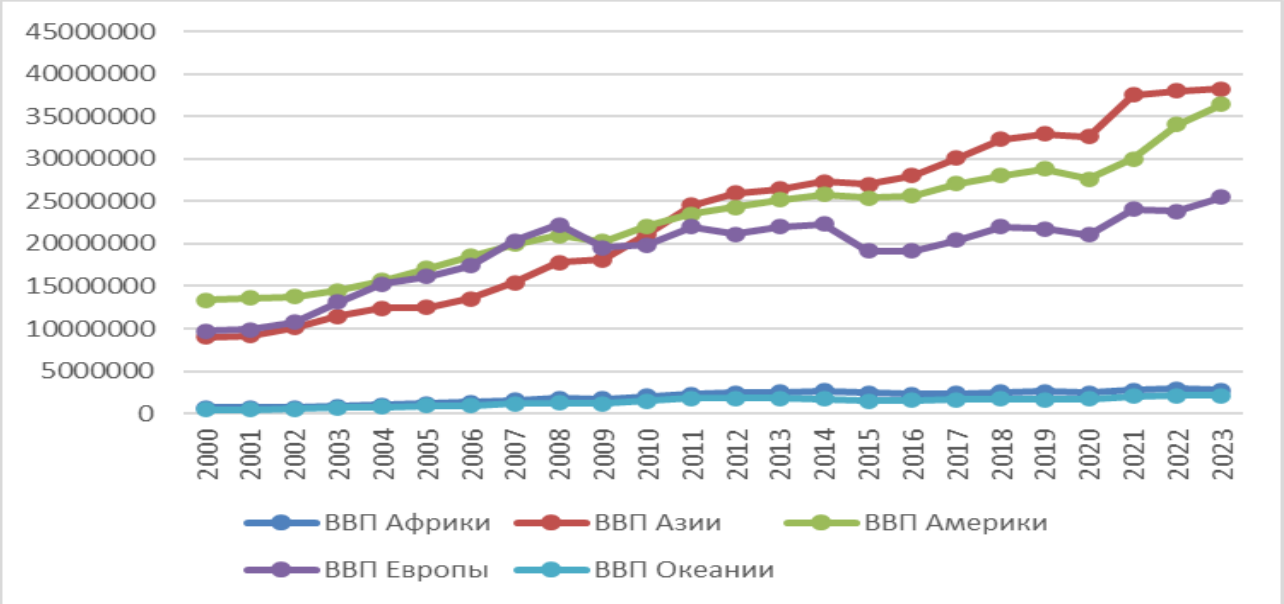

Рис. 1. Динамика ВВП макрорегионов мира в 2000–2023 гг., млн долларов.
Источник: составлено по: (UNCTAD).

Как видно из рис. 1, совокупный ВВП Азии в стоимостном выражении превзошел аналогичный показатель и Европы, и Америки, хотя процесс этот остается достаточно противоречивым.

В то же время глобальное управление нарушено, возрождается протекционизм, гегемонизм и односторонность, взаимовыгодность внешнеэкономических отношений перестала быть основополагающим принципом в отношениях с Западом, а многочисленные риски, включая энергетические, продовольственные, экологические и климатические, финансовые, производственные и сбытовые, а также разрушение транспортно–логистических цепочек, оказывают все более заметное воздействие на Азию. Азия также сталкивается с такими проблемами, как несбалансированное экономическое развитие и серьезные вызовы в области безопасности и управления, с гуманитарными угрозами и бедностью. Возросли риски стихийных бедствий.

Азия — самый динамичный регион в мире и в сфере международной торговли, объем которой по стоимости также стал самым высоким в мире, хотя и в этом процессе сохраняется неоднозначность, и внешняя торговля стран Азии не характеризуется стабильностью (рис. 2).

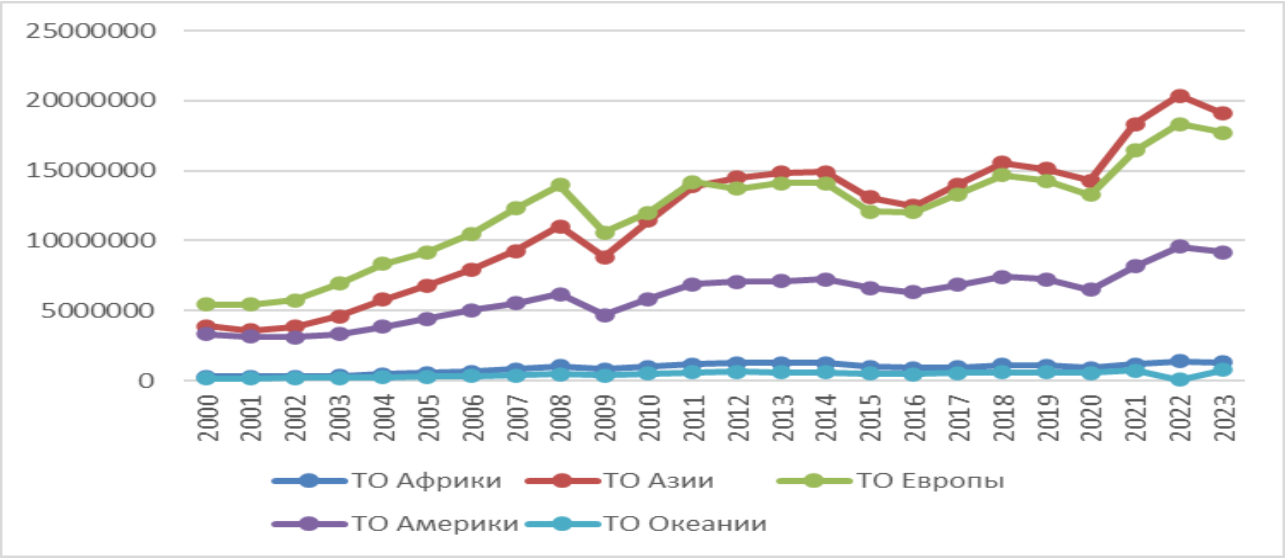

Рис. 2. Динамика товарооборота основных макрорегионов мире в 2000–2023 гг., млн долларов.

Источник: составлено по: (UNCTAD).

В этих условиях у Азии есть два пути: придерживаться открытого регионализма и поддерживать подлинную многосторонность или практиковать политику «закрытого регионализма». При этом приоритетным, с точки зрения Китая, анонсируется первый — путь совместного развития, стремления к взаимовыгодному сотрудничеству, поддержки принципов открытости и терпимости, содействия интеграции и достижению гармонии и симбиоза, в противовес политике «закрытого регионализма», участия в закрытых региональных группах, с продвижением исключительно национальных ценностей, политизацией экономических вопросов, укреплением национальной безопасности в ущерб общеазиатской, поощрением фрагментации и созданием конфронтации. КНР рассматривает «открытый регионализм» как «правильный», так как он наиболее полно отвечает интересам прежде всего самого Китая.

Развитие отношений Китая с соседними странами Азии: основные формы и концепция «периферийной дипломатии»

Китай и соседние страны связаны объективно с точки зрения географии, а также традиционно формировавшимися историческими, цивилизационными, гуманитарными, культурными, торговыми и другими контактами (например, научными), разветвленными интересами. История дружественных обменов между Китаем и странами Азии строилась на протяжении более тысячи лет. За это время (вследствие имевшей место столетиями китайской миграции) на территории практически любого государства Азии сформировались «китайские диаспоры», так там проживает значительное количество этнических китайцев (Хэ, 2013в) с их влиянием на экономические, культурные и другие процессы этих государств. Китай

достаточно лояльно относится к этому явлению, стремится открывать китайские школы и культурные центры, поддерживает деятельность конфуцианских институтов, учреждений китайской медицины и др. Все это формирует определенные представления о Китае у населения соответствующих стран, что очень важно Поднебесной.

Современный Китай традиционно декларирует свою приверженность содействию региональному миру, стабильности, развитию и процветанию, и все больше внимания Поднебесная вынуждена уделять развивающимся регионам Азии как внешнеэкономическим партнерам, формируя, по сути, новую систему координат с благоприятной для себя средой, в которой особое место занимают государства Азии, прежде всего — соседи КНР по континенту. Под эту политику сегодня Китай также подвел идеологическую базу и осуществляет в этом направлении практическую деятельность. Так, Китай установил различные формы партнерства, отношений сотрудничества или стратегических взаимовыгодных отношений с 28 странами в различных субрегионах Азии и с АСЕАН как субъектом хозяйствования, достиг консенсуса по созданию «Сообщества судьбы» с Пакистаном, Лаосом, Камбоджей, Мьянмой, Индонезией, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном, Таиландом, Монголией, Туркменистаном, Малайзией, Кыргызстаном и другими странами.

С пятью странами Центральной Азии анонсировано создание «Сообщества единой судьбы Китая и стран Центральной Азии» в 2023 г. (В Алматы прошел, 2025). В апреле 2025 г. сообщалось, что в Алматы прошел международный форум «Модернизация в китайском стиле и сообщество единой судьбы Китая и стран Центральной Азии». Генеральный консул КНР в Алматы Цзян Вэй отметила, что в июне текущего года состоится 2–й саммит «Китай — Центральная Азия» (В Алматы прошел, 2025).

Китай в целом нашел решение исторических пограничных вопросов с 12–ю странами — сухопутными соседями — путем переговоров. Договоры о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве с Китаем подписали 9 соседних государств. Также Китай подписал и ратифицировал протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, уважает статус Монголии как государства, свободного от ядерного оружия, взял на себя ведущую роль в присоединении к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго–Восточной Азии и анонсировал полную готовность подписать Протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго–Восточной Азии. Страна декларирует приверженность принципу общих консультаций, общего строительства и совместного использования, концепций открытости, экологичности и добросовестности и стремится достичь целей высоких стандартов, устойчивости и повышения уровня жизни людей.

Если говорить о многостороннем сотрудничестве Китая, то оно осуществляется с 25–ю странами Азии в рамках инициативы «Один пояс, один путь», в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), АТЭС и китайско–японско–южнокорейского сотрудничества, а также в рамках Восточноазиатского саммита. В 2025 г. в Совете глав государств ШОС председательствует Китай, а в Совете глав правительств — Россия. Планируется, что 17 июля 2025 г. в Пекине пройдет бизнес–форум ШОС, где будут обсуждаться, в частности, направления сотрудничества в области транспорта и логистики, сельского хозяйства и агропромышленного комплекса (АПК), энергетики и «зеленой» экономики.

Китай осуществляет торгово–экономическое сотрудничество с АСЕАН и ЕАЭС, не будучи членом этих объединений, фактически приступил к формированию «Сотрудничества

Ланьмэй» между государствами, которые географически располагаются в бассейне одноименной реки, а именно: Вьетнамом, Таиландом, Мьянмой, Камбоджей и Лаосом, причем китайские эксперты оценивает это сотрудничество как весьма актуальное и перспективное, а его потенциал — как значительный (Tang, Chen , 2019).

В отношении всех этих направлений сотрудничества и стран Азии Китай разработал концепцию «периферийной дипломатии». «Периферийная дипломатия» Китая — это программа отношений между центром (Китаем) и его периферией (окружающими его странами). Дело в том, что «…первостепенным элементом в китайском мировоззрении является Китай — «中国»(Чжунго — дословно: срединное или центральное государство)», но в то же время «официальные китайские источники не дают точного определения географического пространства периферии», оперируя понятием «большая периферия»» (Забелла, Каткова, 2020). Причем корни этого подхода, как традиционного и основополагающего, т. е. крайне важного и базового для Китая, уходят в далекое прошлое. А сегодня в отношении соседних, или периферийных, стран была выдвинута формула: «дружественное соседство — мирное соседство — богатое соседство» (Коробкова, 2019). Эта формула, по сути, отражает основные принципы «сотрудничества с китайской спецификой» — взаимовыгодность и прагматизм, совместное использование ресурсов (азиатских стран), формирование азиатских ценностей, невмешательство и нейтральность с учетом экономической и политической мощи Китая.

Можно сформулировать некоторые характеристики международных отношений Китая со странами Азии, вызывающие растущий интерес исследователей (Ренёв, 2023; Международные отношения Китая; Место Центральной Азии):

1. **Стремление к развитию дружественных отношений и сотрудничеству**. Китай придерживается принципа мирного сосуществования и стремится к развитию партнерства со странами Азии, имеющего долгосрочную экономическую выгоду. Стоит иметь в виду, что многие соседние, и в целом азиатские, страны обладают теми или иными ресурсами, крайне необходимыми Китаю. Их рынки (и, возможно, рабочая сила и в целом человеческий фактор) также привлекательны для Китая в условиях роста эскалации в торговле между Китаем и Западом.

2. **Активное участие в региональных форумах и организациях**. Китай участвует в таких организациях, как АТЭС (Азиатско–Тихоокеанское экономическое сотрудничество), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) и сотрудничает с АСЕАН (Ассоциация государств Юго–Восточной Азии) и ЕАЭС (Меланьина, 2022), в рамках которых Китай стремится продвигать свои интересы и подходы к сотрудничеству, извлекать выгоду и получать новые возможности.

3. **Экономическое и торговое сотрудничество**. Китай является крупным торговым партнером для многих стран АСЕАН, ЕАЭС, ССАГПЗ, Южной Азии, для Монголии, Пакистана и т. д., и активно развивает инвестиционные проекты в регионе в рамках идеи «разработано в Китае», особенно с учетом того, что издержки, и прежде всего на трудовые ресурсы, в ряде региональных стран ниже, чем в Китае.

4. **Сотрудничество в области инфраструктурных проектов**. Китай участвует в развитии инфраструктуры в странах АСЕАН, ЕАЭС, ССАГПЗ, в Монголии, Мьянме и т. д., в частности, в строительстве дорог, железных дорог, портов, энергетических проектов. Все это улучшает возможности транспортно–логистической составляющей внешней торговли, прежде всего — самого Китая, способствуя ускорению транспортировки товаров.

5. **Использование стран Азии как рынков для сбыта своей продукции**, так как КНР остро нуждается во внешних рынках, в том числе и для реэкспорта. Китай, со своей стороны, занимается вливанием инвестиций в энергетическую и транспортную отрасль этих стран, ведь КНР интересуют энергетические ресурсы для обеспечения своего экономического роста и улучшение транспортного обеспечения. Также Китай заинтересован в привлечении иностранных инвестиций в национальную экономику, например, из Саудовской Аравии, ОАЭ.

Таким образом, для Китая сотрудничество со странами Азии важно с точки зрения получения Поднебесной природных ресурсов, инвестиций и рынков сбыта для своей продукции, для наращивания взаимодействия в сфере финансов и банков в направлении продвижения юаня как региональной валюты, что также будет усиливать доминирующую роль Китая в Азии. В то же время взаимодействие с Китаем, выступающим крупнейшим инвестором в Азии, весьма выгодно его партнерам, как и возможность сотрудничества с КНР в сфере образования, инноваций, цифровизации, экологии («зеленой» и «голубой» экономики, ВИЭ).

Однако у Китая с некоторыми странами Азии сохраняются дискуссионные пункты. Например, с сопредельными государствами Юго–Восточной Азии (в частности, с 5–ю странами АСЕАН) остается открытым территориальный вопрос по поводу некоторых островов в Южно-Китайском море, а в Восточно-Китайском море не закрыт территориальный спор с Японией (Международные отношения Китая; Место Центральной Азии). Также растет региональная и глобальная конкуренция Китая и отдельных государств АСЕАН, которые не готовы выступать лишь поставщиками сырья для Китая. Сохраняются проблемы в отношениях с Индией (Шавлай, 2021), крупнейшей страной и третьей экономикой мира, хоть и являющейся партнером Китая по ШОС и БРИКС. К тому же авторы отмечают и наличие противоречий в реализации «периферийной» дипломатии Китая, в том числе и в результате высокой степени дифференциации как уровней социально-экономического развития Китая и «стран периферии», так и приоритетных целей.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько выводов.

Причинами активизации Китая на азиатском направлении выступает, во-первых, ухудшение глобальных условий, создающих ограничения для возможностей дальнейшей успешной внешнеторговой экспансии Китая как фактора роста китайской экономики в перспективе, накладывающаяся на внутренние проблемы и растущие дисбалансы КНР. Растущая глобальная нестабильность рынков и мировой экономики, протекционизм и торговые войны в условиях фактического бессилия ВТО, представляют серьезную угрозу для Поднебесной с ее низким внутренним спросом, осуществить развитие которого пока не удается обеспечить, несмотря на предпринимаемые усилия.

Во-вторых, ведущие внешнеторговые партнеры Китая, т. е. западные страны, в последнее десятилетие создают неблагоприятные для Китая условия входя и оперирования на своих рынках, осуществляют дискриминацию китайских производителей, хотя и нуждаются в некоторых китайских продуктах, например, редкоземах и др.

В-третьих, внутренние проблемы Китая, значительно обострившиеся в последнее десятилетие, требуют от страны проведения комплексных экономических, институциональных, юридических и других реформ, например, активизации частного сектора,

что, в свою очередь, ставит государство перед необходимостью укрепления внешнеэкономической сферы как минимум по «азиатскому» контуру.

Все это приводит государство к необходимости переформатирования своей внешней политики и торговли, переориентирования ее на азиатский регион, быстрорастущий, хорошо известный, географически близкий, с уже сформированной высокой степенью зависимости от Китая и существенно более низким экономическим потенциалом (кроме Индии).

Китай сотрудничает с государствами Азии в рамках многочисленных двусторонних и многосторонних инициатив и на основе концепции «периферийной дипломатии», которая, хотя и не сформулирована достаточно четко, тем не менее, выступает одним из традиционных столпов внешнеэкономической политики КНР.

Однако, наряду с имеющимися достижениями и несмотря на декларацию значительного успеха этой политики, она сталкивается с рядом трудностей, что требует ее корректировки с учетом влияния внешних и внутренних факторов, а также интересов партнеров.

Список литературы

1. В Алматы прошел международный форум «Модернизация в китайском стиле и сообщество единой судьбы Китая и стран Центральной Азии» (2025) [The international forum «Chinese-style Modernization and Community of Common Destiny of China and Central Asian countries» was held in Almaty (In Russian).] URL: https://russian.news.cn/20250417/dbf3ba7c8ba04bc08229976aaa89fb64/c.html

2. Забелла А. А., Каткова Е. Ю. (2020) Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // Юго–Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том I. No 1 (46). С. 29–44. [Zabella A. A., Katkova E. Yu. (2020) On the specifics of China's peripheral diplomacy and relations with ASEAN countries // Southeast Asia: current development issues. Vol. I. No. 1 (46). Pp. 29–44. (In Russian).] DOI: 10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-029-044

3. Китаев И. В. (2024) Построение сообщества единой судьбы Китая и государств Центральной Азии: кейс Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. Т. 7. № 7. С. 821–829. [Kitaev I. V. (2024) Building a community of common destiny for China and the Central Asian states: the case of the Republic of Tajikistan // Post-Soviet Studies. Vol. 7. No. 7. Pp. 821–829. (In Russian).]

4. Ковтун О. И. (2023) Влияние политического диалога на торгово-экономические связи Франции и Китая // ЦИТИСЭ. № 1 (35). С. 214–230. [Kovtun O. I. (2023) The influence of political dialogue on trade and economic relations between France and China // CITISE. No. 1 (35). Pp. 214–230. (In Russian).] DOI: 10.15350/2409-7616.2023.1.18

5. Коробкова Д. В. (2019) Периферийная дипломатия как инструмент внешнеполитической коммуникации КНР // Международные коммуникации. № 2 (11). [Korobkova D. V. (2019) Peripheral diplomacy as a tool of China's foreign policy communication // International Communications. № 2 (11). (In Russian).]

6. Международные отношения Китая [China's International Relations (In Russian).] URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.aa7f553b-6800ad54-87dac240-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Foreign_relations_of_China

7. Меланьина М. В. (2022) ЕАЭС и Китай: возможности сотрудничества на современном этапе / В сборнике: Большое евразийское партнерство: стратегия и тактика. материалы Российской научно-практической конференции с международным участием и Ежегодного круглого стола студентов и аспирантов. Москва. С. 88–91. [Melanina M. V. (2022) The EAEU and China: opportunities for cooperation at the present stage / In the collection: The Great Eurasian Partnership: strategy and Tactics. materials of the Russian Scientific and Practical Conference with international participation and the Annual Round table of students and postgraduates. Moscow. Pp. 88–91. (In Russian).]

8. Место Центральной Азии во внешнеполитической стратегии КНР [The place of Central Asia in China's foreign policy strategy (In Russian).] URL: https://apni.ru/article/8607-mesto-tsentralnoj-azii-vo-vneshnepolitichesko

9. Нежданов В. Л. (2022) «Порядок с китайской спецификой»: идеи, концепции и предложения КНР для реформирования международной системы / В сборнике: Сборник научных статей по итогам Международных круглых столов Совета молодых ученых. С. 252–263. [Nezhdanov V. L. (2022) «Order with Chinese characteristics»: ideas, concepts and proposals of the PRC for reforming the international system / In the collection: A collection of scientific articles based on the results of the International Round tables of the Council of Young Scientists. Pp. 252–263. (In Russian).]

10. Пак С. (2020) Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 15. № 2. С. 213–235. [Pak S. (2020) China–US Trade War: what will happen to the Chinese economy? // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. Vol. 15. No. 2. Pp. 213–235. (In Russian).] DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-10

11. Петрунина Ж. В. (2014) Экономическое взаимодействие Китая и стран АСЕАН в XXI веке // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 286–288. [Petrunina J. V. (2014) Economic cooperation between China and the ASEAN countries in the 21st century // Theory and practice of social development. No. 2. Pp. 286–288. (In Russian).]

12. Ренёв В. М. (2023) Современная внешняя политика в Азии: положительное влияние Китая // Электронный научный журнал «Вектор экономики». № 6. [Renev V. M. (2023) Modern foreign policy in Asia: China's positive influence // Electronic scientific journal «Vector of Economics». No. 6. (In Russian).] URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2023/6/worldeconomy/Renev.pdf

13. Родионова И. А. (2020) Позиции Азии в мировой индустрии // Россия и Азия. № 4 (13). С. 6–15. [Rodionova I. A. (2020) Asia's position in the global industry // Russia and Asia. No. 4 (13). Pp. 6–15. (In Russian).]

14. Русакович В. И. (2023) Стремительный рост китайской экономики и накопление структурных противоречий: возможно ли восстановление? // Россия и Азия. № 4 (26). С. 6–18. [Rusakovich V. I. (2023) The rapid growth of the Chinese economy and the accumulation of structural contradictions: is recovery possible? // Russia and Asia. No. 4 (26). Pp. 6–18. (In Russian).]

15. Соловьева Ю. В. (2015) Трансферт технологий стран БРИКС: проблемы и перспективы // Экономический журнал. № 4(40). С. 85–96. [Solovieva Yu. V. (2015) BRICS Technology Transfer: Challenges and Prospects // Economic Journal. No. 4 (40). Pp. 85–96].

16. Суходолов Я. (2020) Торгово-экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии // Вестник Байкальского государственного университета. Том 30. № 1. С. 50–58. [Sukhodolov Ya. (2020) Trade and economic cooperation of China with the countries of

Central Asia // Bulletin of Baikal State University. Vol. 30. No. 1. Pp. 50–58. (In Russian).] DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(1).50-58

17. Фадва Б. Б., Ишмухаметова Г. М. (2024) Влияние торговой войны на экономику Китая // Экономические науки. № 237. С. 81–85. [Fadeeva B. B., Ishmukhametova G. M. (2024) The impact of the trade war on the Chinese economy // Economic sciences. No. 237. Pp. 81–85. (In Russian).] DOI: 10.14451/1.237.81

18. Хао С. (2023) Интернационализация юаня: от национальных и глобальных предпосылок до конкретных действий правительства КНР // Человек. Общество. Инклюзия. № 3 (55). С. 92–99. [Hao S. (2023) Internationalization of the yuan: from national and global prerequisites to specific actions of the Government of the People's Republic of China. Society. Inclusion. No. 3 (55). Pp. 92–99. (In Russian).]

19. Хэ М., Шкваря Л. В., Ван С. (2020) Китай: социально-экономическое развитие и внешняя торговля // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 11–16. [He M., Shkvarya L. V., Wang S. (2020) China: socio-economic development and foreign trade // Asia and Africa today. No. 11. Pp. 11–16. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750012178-7

20. Хэ М. (2020) КНР — ЕС: договорно-правовая база и динамика торгового сотрудничества на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 28. № 1. С. 72–82. [He M. (2020) China–EU: contractual and legal framework and dynamics of trade cooperation at the present stage // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. Vol. 28. No. 1. Pp. 72–82. (In Russian).] DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-1-72-82

21. Хэ М. (2013а) Присоединение КНР к ВТО как фактор ускоренного экономического развития / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2013. [He M. (2013a) China's accession to the WTO as a factor of accelerated economic development / abstract of the thesis for the degree of Candidate of Economic Sciences / Russian University of Friendship of Peoples. Moscow, 2013. (In Russian).]

22. Хэ М. (2013в) Демографический фактор в Индонезии и влияния Китая / В сборнике: Азия: демография — экономика — интеграция. Ежегодник — 2012–2013. Москва, 2013. С. 21–33. [He M. (2013b) The demographic factor in Indonesia and the influence of China / In the collection: Asia: demography — economy — integration. Yearbook — 2012–2013. Moscow, 2013. pp. 21–33. (In Russian).]

23. Шавлай Э. П. (2021) Экономическое сотрудничество Индии и Китая — искусство балансирования // Terra Economicus. Vol. 19. Is. 3. Pp. 65–77. [Shavlai E. P. (2021) Economic cooperation between India and China — the art of balancing // Terra Economicus. Vol. 19. Is. 3. Pp. 65–77. (In Russian).] DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-65-77

24. Шкваря Л. В. (2021) Инициатива «Один пояс, один путь»: обзор концептуальных подходов и задачи для России // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7. № 2. С. 355–364. [Shkvarya L. V. (2021) One Belt, One Road Initiative: Review of conceptual approaches and tasks for Russia // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. Vol. 7. No. 2. Pp. 355–364. (In Russian).]

25. Bora L. (2020) Sino-EU multilateralism relation // Cogent Social Sciences. Vol. 6. Is. 1. Pp. 1780845. DOI: 10.1080/23311886.2020.1780845

26. Oyun W. Issues on trade and economic cooperation of Mongolia–China // Journal of International Studies. 2018. № 1 (18). Pp. 18–101. DOI: 10.5564/jis.v0i1.1123

27. Solovieva Y. V., He M. (2022) Features of Technology Transfer Systems of Asian Region's Technology Leaders // Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches: Conference proceedings, Moscow, 08 July 2021. Moscow: Springer Nature Switzerland, 2022. Pp. 308–314. DOI 10.1007/978-3-030-93244-2_35.

28. Tang H., Chen H. (2019) Research on Promoting Capacity Cooperation between China and the «Lanmei Five Countries» / International Conference on Strategic Management (ICSM 2019). Francis Academic Press, UK. DOI: 10.25236/icsm.2019.007

29. Tu T. A., Chu T. M. Ph., Truong T. L. H. (2024) Impacts of the US–China Trade Tension and RCEP on Vietnam China Trade Balance// Russian Journal of Vietnamese Studies. Vol. 8. № 1. Pp. 38–51. DOI: 10.54631/VS.2024.81-626487

30. UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/

The Asian component in China's foreign policy

Maria V. Melanina,

PhD of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

In the context of deglobalization and the actual destruction of the principles of world trade that have persisted since the establishment of the GATT, the reformatting of international relations at the regional levels is intensifying and the study of this process is becoming more relevant, especially affecting large countries such as China, which, in the face of growing global challenges to economic development and international trade, on the one hand, and the need for the country to maintain Extensive foreign trade relations, on the other hand, have been striving for a number of years to create a favorable foreign economic environment in the area of neighboring countries. This historical process is critically important for the global economy and international relations, as, in fact, it creates a new global architecture that affects all spheres of economic activity at the global, regional and country levels. Understanding the background and principles of this architecture, and especially their implications, is of great scientific and practical importance. The purpose of the article is to analyze the conceptual foundations of international relations between China and Asian countries at the present stage and to establish their characteristics and systematize their features. The subject of the study is the foundations of China's international cooperation with Asian countries, which the author largely considers as a tool of China in an attempt to transform the system of international relations in the direction of «Chinese» specifics. The «starting point» (but certainly not the end point) of this process is Asia, the closest, fastest–growing and most promising region in the world. The author draws attention to the fact that China is striving to ensure the implementation of a policy of «open regionalism» in Asia, which will fundamentally affect development — Asian and global — in the long term.

Keywords: *China, Asia, economic relations, trade transformation, «soft» power, «open regionalism», the concept of «peripheral diplomacy».*

JEL codes: *F02, F12, F13.*

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Проблемы развития арабских государств на современном этапе и возможности их преодоления

Русакович Василий Игоревич[1]

Процессы, происходящие в арабском мире, активно трансформируются, насколько это сочетается с традициями и подходами этой группы стран к развитию и решению тех или иных задач. Направление вектора развития арабского мира в глобальной хозяйственной системе актуализируется ввиду роста значимости арабского мира при крайне негативном внешнем воздействии на социально-экономические процессы и неустойчивые перспективы, но остается дискуссионным. В статье предпринята попытка дать краткий обзор современного состояния, проблем и возможностей стран арабского мира, а также его перспектив, с учетом общемировой и региональной ситуации. Показана высокая степень дифференциации арабского мира с точки зрения уровня социально-экономического развития. Классифицированы факторы неопределенности, влияющие на современную и перспективную эволюцию арабского мира и предложены варианты мер для обеспечения его интересов, исходя из этих факторов. Автор приходит к выводу о том, что в регионе и в отдельных государствах возникают новые угрозы, диспропорции и дисбалансы, но и новые возможности развития. Реализация этих возможностей, на наш взгляд, возможна при наличии большей координации и взаимодействия арабского мира, консолидации, объединения усилий и взаимной поддержки на основе осознания собственных интересов стран арабского мира и их коллективного отстаивания. Понимание векторов развития арабского мира обеспечит возможность не только более точного понимания складывающейся здесь ситуации, то есть с теоретической точки зрения, но и даст возможность уточнить политику взаимодействия с арабским миром для третьих стран, например, Российской Федерации.

Ключевые слова: *арабский мир, Ближний Восток и Северная Африка, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), глобальные процессы, глобальные вызовы, возможности развития, механизмы защиты интересов.*

JEL коды: *E01, E61, F01, F59, F62, O53.*

Введение

Сегодня ситуация в регионе Ближнего Востока (БВ) и в целом в арабском мире (АМ) вызывает растущий интерес в научном сообществе, у практиков и политиков в связи с тем, что ее воздействие на мировые и региональные процессы растет в условиях глобальной неустойчивости и непредсказуемости. Многие авторы исследуют политические

[1] *Русакович Василий Игоревич* — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО «Антарес», Москва, Россия.

(внутрирегиональные и внерегиональные) факторы стран арабского мира, экономические процессы и постепенное изменение хозяйственных основ (Русакович, 2017), эволюцию региональной экономической интеграции, инновационной составляющей (Шкваря, Соловьёва, 2019) демографические, образовательные и другие аспекты, связанные с человеческим капиталом (Айдрус, Асмятуллин, 2018).

Можно также обратить внимание на исследования процессов цифровизации в регионе, прежде всего в ССАГПЗ (Шкваря, Родин, 2020). Вызывает особый интерес возможность улучшения отношений между Саудовской Аравией и Ираном, а также с Российской Федерацией (Шкваря, 2011) и в целом формирование перспектив развития ситуации в регионе, сохраняющем стратегически важное значение в мире не только в силу наличия запасов топлива, но и транспортно-логистических связей, мировой торговли и финансов и др. (Крылов, Федорченко, 2015).

Таким образом, в регионе Ближнего Востока, при сохранении, а зачастую и углублении, факторов неопределенности, происходят серьезные трансформации, и важно понимать их направление, охват и глубину, так как эти перемены создают средне– и долгосрочные перспективы развития не только данного региона, но и других участников мировой экономической и политической системы. При этом совершенно справедливо отмечается, что «Рассматривая Ближний Восток как систему, необходимо понять, что представляют собой элементы системы, как они взаимодействуют друг с другом, какова среда для ближневосточной системы и как она влияет на развитие системы» (Polyakov, 2023) в условиях постепенного смещения арабского мира с глобальной периферии… куда?

В данной статье предпринята попытка классифицировать как факторы неопределенности, так и возникающие перемены в регионе Ближнего Востока и в целом Арабского мира, и сформировать концептуальный подход относительно их последующей эволюции на основе анализа и обобщения нынешней ситуации и прошлого опыта.

В целях сопоставимости статистические данные в основном ограничиваются международной базой данных ЮНКТАД.

Результаты исследования

Арабский мир сегодня испытывает влияние глобальных факторов в различных сферах своей жизни и деятельности. Эти факторы отчасти оказывают положительное влияние на эволюцию арабского мира, стимулируя его развитие в целом и в отдельных аспектах, отчасти — негативное, тормозящее это развитие и/или создающее угрозы его среды, но и обеспечивающие новые возможности, например, в сфере технологий. Страны арабского мира географически в основном сосредоточены в регионе Ближнего Востока и Северной Африки или БВСА (*MENA*, акроним от англ. *Middle East & North Africa*).

ЮНКТАД использует географический подход к классификации, согласно которому арабские страны относятся к региону Западной Азии. Однако не все государства Западной Азии относятся к арабскому миру (например, Турция, Азербайджан, Грузия и др. к нему не относятся), как и ряд государств географически расположены вне Северной Африки и Ближнего Востока, например Джибути, Коморские острова остаются его частью.

Таким образом, арабский мир включает 22 страны, и все они являются членами Лиги арабских государств (табл. 1).

Таблица 1.

Территория, население, ВВП и подушевой доход стран арабского мира в 2023 г.

Страна	Территория, тыс. кв. км	ВВП, млн долларов	Население, млн человек	Подушевой доход, долларов
Алжир	32,8	205621	46,16	7393
Бахрейн	0,66	44857	1,57	28578
Джибути	23,2	4192	1,15	3636
Египет	70,71	331018	114,5	2890
Иордания	5,3	49457	11,4	4323
Ирак	24,0	253365	45,1	5621
Йемен	18,7	8339	39,39	212
Катар	0,793	237060	2,98	79575
Коморские о-ва	1,862	1343	0,85	1579
Кувейт	2,11	157854	4,8	32623
Ливан	3,68	39303*	5,77	6842*
Ливия	5,39	42353	7,3	5797
Мавритания	2,83	11568	5,02	2303
Марокко	31,17	142871	37,7	3788
ОАЭ	2,44	501373	10,64	47112
Оман	2,71	109083	5,05	21604
Палестина	6,02	20500	5,4	3790
Саудовская Аравия	23,51	1065583	33,26	32034
Сирия	17,15	14461	23,6	613
Сомали	9,2	11610	18,36	632
Судан	37,09	67335	50,04	1346
Тунис	9,82	51619	12,2	4231
Итого	**331,145**	**3331462**	**482,24**	**13167**

* Данные за 2022 год.

Источник: составлено автором по: (UNCTAD; Шкваря, 2008).

Фактически арабский мир включает 4 основных составляющих с относительно сбалансированными потенциалами: Магриб (арабский запад); долина Нила; Левант (арабский восток) и «Арабский» залив (арабские страны Персидского залива — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, ССАГПЗ), внутри которых имеют место как острая конкуренция (например, в Леванте между Сирией и Ираком, в Магрибе между Марокко и Алжиром), так и более мягкие противоречия между странами внутри этих четырех составляющих. При этом, с точки зрения экономического потенциала и в целом значимости в арабском мире и в мировой системе взаимодействия, лидирующее положение традиционно занимает регион ССАГПЗ. Таким образом, сохраняются «слабые места» общеарабской платформы, высокая дифференциация этих стран по уровню развития экономики и подушевых доходов, что предопределяет наличие различных задач и вйдения перспектив развития, а также конкуренция на внешних рынках. Страны арабского региона отличаются по

трем основным критериям: наличие нефтедобывающей промышленности, численность и темпы роста населения, социально-политическая ситуация внутри страны (табл. 1).

При этом в арабском мире наблюдаются определенные значимые успехи — в социально-экономическом, инновационном (цифровом), внешнеторговом развитии, есть прогресс в консолидации (Большая арабская зона свободной торговли) и интеграционном процессе, например, в ССАГПЗ — во многом, благодаря культурной однородности, общности языка, религии и истории, а также традиций, выступающими фундаментальными системообразующими факторами. Также отдельные страны активно продвигают свои интересы в мире, прежде всего в арабском, на основе «мягкой силы», в чем отчасти и преуспели, по мнению экспертов (Antwi–Boateng, Alhashmi, 2021).

Стоит отметить, что в арабском мире продолжается рост населения, и темпы этого процесса превышают средние в мире. ЮНКТАД прогнозирует, что к 2050 г. население арабских стран в совокупности превысит 600 млн человек. Однако авторы отмечают, что «…характеристики народонаселения во всех арабских странах оставляют желать лучшего, особенно если учитывать потенциал для приобретения знаний и высокой производительности, а также для значимого участия в общественной жизни, поскольку проблема народонаселения явно связана с распределением и качеством человеческого капитала, а не с его численностью или темпами роста», что в общем также объединяет страны арабского мира с точки зрения необходимости решения этой задачи (Arab Human Development Report, 2022).

Таким образом, сохраняются проблемы, противоречия и факторы неопределенности — как на уровне арабского мира в целом, ЛАГ, так и в отдельных странах и их объединениях (Союз арабского Магриба, САМ). Кроме того, ряд авторов небезосновательно говорит о том, что сохраняется «Неравенство в использовании жизненных возможностей и, как следствие, неравенство в жизненных результатах (благосостоянии людей), приводящее к обнищанию значительных групп населения» (Fergany, 2016. P. 37). Это порождает дополнительное социальное напряжение.

В современных условиях факторами неопределенности в арабском регионе выступают следующие процессы и явления:

а) отсутствие механизма по мониторингу исполнения решений, принятых арабскими странами и их объединениями;

б) на фоне сохранения правил консенсуса в решениях не используются инструменты функциональной методики для реализации общих целей, принятых в рамках этого консенсуса;

в) имеет место низкий уровень транспарентности и отсутствие гражданского представительства в органах и учреждениях региональных объединений;

г) наличие элиты, входящей в «квоту» каждого государства–участника региональных объединений и наделенного определенными привилегиями панарабского сотрудничества, к примеру, постепенно превращающего Лигу арабских государств[1] (ЛАГ) в «Лигу арабских

[1] Лига арабских государств (англ.: Union of arabian country alliance) — объединение арабских государств, созданное в 1945 году с участием Египта, Саудовской Аравии, Ирака, Сирии, Ливана, Йемена и Иордании. Краеугольный камень организации был заложен британским премьер-министром Энтони Иденом после второй мировой войны. С точки зрения структурной сегментации, лига арабских государств является одной из немногих международных организаций, которая использует другой характерный элемент, а не географическое измерение сотрудничества. Этот элемент-этническая и расовая общность.

правительств», в то время как на современном этапе необходимость межарабского объединения и консолидации действий, экономических и политических, возросла;

д) отсутствие единого подхода к определенной форме коллективного суверенитета (при сохранении понимания сущности национального суверенитета каждого отдельного арабского государства) при условии консенсуса и компромисса между ними, а также модели «наднациональной» власти для различных систем безопасности и сотрудничества в пределах этих рядов интересов;

е) арабы, которые постоянно сравнивают свой альянс с ЕС, все еще страдают от таких тривиальных проблем, как пограничные споры, например, между Йеменом и Саудовской Аравией, а также территориальные споры относительно Западной Сахары.

Но высказывается точка зрения, что «…любая «проблема» отдельной страны может быть легко решена в контексте комплексной программы развития в арабском регионе» (The UNDP Regional Programme). и с этим отчасти можно согласиться.

Современная стратегия развития в арабском регионе предполагает адекватную реакцию на 5 следующих «вызовов»:

– вызов № 1 — это нормализация концепции национального государства в национальном сознании;

– вызов № 2 — это создание институциональных структур и имплементация их в новые политические и функциональные вызовы с целью эффективного использования (развитие функций профилактической дипломатии, активизация «Арабской хартии безопасности и сотрудничества» (1995 г. создание арабского суда ЛАГ);

– вызов № 3 — это обеспечение органов ЛАГ арабским опытом разных государств вне официальной «квоты» и создание общественной парламентской арабской ассамблеи, представляющей государств-участников путем прямых и свободных выборов;

– вызов № 4 — это формирование арабских отношений с соседними влиятельными странами на основе стратегического баланса на Ближнем Востоке;

– вызов № 5 — это переосмысление регионального экономического сотрудничества арабских государств в соответствии с международными изменениями путем переоценки всех двусторонних и многосторонних отношений в соответствии с новыми мировыми процессами и тенденциями, в том числе климатической повесткой, цифровизацией и др.

Это требует от арабских стран использования «нестандартных» механизмов и инструментов реализации своих резолюций, и в целом обеспечения своих интересов, построенных на новом балансе сил между странами арабского региона и международным окружением, формирования единой арабской стратегии, принимающей во внимание особенности каждого государства–члена для плодотворного сотрудничества, в первую очередь, между странами Ближнего Востока и Северной Африки, а затем и с мировым сообществом (табл. 2).

Как видно из вышеизложенного, а также из табл. 2, «разброс» вызовов как никогда значителен — от экономики и технологий до экологии и институтов, а также активизации региональной экономической интеграции и формирования альянсов с неарабскими странами, ориентируясь на рост безопасности и суверенитета.

Лига арабских государств является первой международной организацией, созданной среди арабо-исламских стран.

Таблица 2.

Классификация факторов, воздействующих на арабский мир и мер обеспечения его интересов

Фактор	Необходимо	Важно	Инструменты
Геополитический ландшафт, в том числе в регионе, включая периметр безопасности	Обеспечение безопасности в широком смысле	Центростремительные тенденции в арабском мире; стабилизация ситуации как на региональном, так и на страновом уровнях; поддержание баланса сил	Деятельность ЛАГ; интеграционные процессы; широкое международное взаимодействие (например, БРИКС); улучшение координации
Технологии, в том числе цифровизация	Более широкое внедрение цифровизации и высокотехнологических возможностей	Выбор стратегически важных и перспективных направлений технологического развития; собственные наработки и соответствующие национальные кадры	Международное сотрудничество; развитие сферы образования с элементами фундаментальных подходов; финансирование НИОКР, в том числе — на основе государственно–частного (и международного — регионального и внерегионального) партнерства
Геоэкономические процессы, в том числе в регионе	Поддержание экономической стабильности как в целом, так и на отдельных отраслевых рынках	Системное обновление на основе прагматичного и взаимовыгодного сотрудничества; управляемая и инклюзивная политика роста	Активизация и диверсификация международного — регионального и внерегионального — сотрудничества, поиск компромиссов
Экологические и гуманитарные процессы	Сохранение экологической устойчивости, минимизация экологических угроз	Внедрение основ «зеленой» и «голубой» экономики при сохранении экономической эффективности и общей ответственности	Сбалансированная политика в области охраны природных ресурсов («зеленых» и «голубых») и технологий с учетом постепенного перехода к глобальной энергетической интеграции и отказа от ископаемого топлива; Инвестиции и совместное использование энергоэффективных технологий в сочетании с эффективной очисткой углерода как

			основа для снижения загрязнения углекислым газом.
Рост конкуренции в мире и в регионе	Повышение конкурентоспособности	Диверсификация экономики, транспортно-логистических путей, финансовых аспектов и международных платежных и резервных средств	Развитие современных отраслей на основе наработки относительных преимуществ на основе государственно-частного партнерства
Демографическая ситуация	Поддержание уровня рождаемости	Разумная политика роста населения и трудовой миграции	Стимулы для управления рождаемостью и повышения образовательного уровня в сочетании с «национализацией» кадров
Наднациональное регулирование	Наличие региональных (и глобальных рамок, согласованность законодательных подходов, в том числе в рамках ОПЕК и ОПЕК+	Поэтапное сокращение протекционизма и других ограничений в сфере внешней торговли	Совершенствование и координация налогово-бюджетной, таможенной и т. д. политики, включая права интеллектуальной собственности

Источник: разработано автором.

Например, в условиях перехода от однополярного к многополярному миру борьба за научный и технологический суверенитет становится ключевым приоритетом. Внедрение инновационных технологий и создание «экономики знаний» помогают достичь устойчивых темпов роста и преодолеть зависимость от Запада, как показывает мировая практика и опыт, например, Китая. Хотя в современном глобализированном мире, конечно, полная независимость не представляется возможной, но важно установить какую-то границу в этом вопросе и соблюдать ее.

Этот аспект также предполагает необходимость для стран арабского мира активизировать диверсификацию национальных хозяйств для обеспечения отхода от моносырьевой ориентации (экспорта нефти и газа). Суверенные возможности арабских стран в плане создания «зеленой» и «голубой» экономики сужаются из-за зависимости от импорта технологий и техники, а также высококвалифицированных кадров, что создает арабскому миру дополнительные угрозы, в том числе цифровых «разрывов». Государства АМ заинтересованы в развитии ИТ–инициатив как в стратегической мере по диверсификации экономики и снижению зависимости от экспорта энергоресурсов. Политическая, финансово-экономическая и историко-культурная специфика арабских стран способствует формированию в арабском мире особой среды для противостояния киберугрозам и решениям проблем кибербезопасности.

Растущее значение приобретает международное сотрудничество, особенно со странами — надежными партнерами. Благодаря ему власти арабских стран смогли быстро нарастить технический и кадровый потенциал, запустить высокотехнологичные проекты в области национальной и цифровой безопасности.

Стимулирующим фактором повышения региональной кибербезопасности остается скоординированная политика по подготовке собственных кадров, а также развитие программ просветительской деятельности по повышению культуры информационной безопасности всех уровней пользователей. Таким образом, использование нестандартных механизмов уже позволяет арабским странам не только преодолевать некоторые текущие вызовы, но и готовиться к будущим вызовам, связанным с глобальными изменениями и требованиями.

Заключение

Исследование показывает, что как в глобальной системе, так и в арабском мире происходят заметные изменения под влиянием целого ряда негативных факторов. Трансформируются и те меры и инструменты, которые используют арабские государства для обеспечения своих интересов. Трансформационные процессы включают как экономическую, так и политическую составляющие, а также гуманитарную и технологическую, экологическую и институциональную. Экономический потенциал арабского мира во многом формируется с учетом его географического положения, природных ресурсов, но фиксируется и активизации экономической политики на региональном и глобальном уровнях в условиях растущего давления последнего. Арабские страны создают новые и более благоприятные условия своего развития как на внутренних, так и внешних контурах, новые альянсы.

В этой связи в регионе и отдельных государствах возникают новые угрозы, диспропорции и дисбалансы, но и новые возможности развития. Реализация этих возможностей, на наш взгляд, возможна при наличии большей координации и взаимодействия арабского мира, объединения усилий и взаимной поддержки на основе осознания собственных

интересов стран арабского мира и их коллективного отстаивания. Также можно предположить, что более тесное и разностороннее торгово-экономическое, гуманитарное и научно-техническое сотрудничество с неарабскими партнерами может содействовать как стабилизации внутристрановых процессов, так и усилению позиции стран арабского мира в глобальной системе.

Список источников

1. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. (2018) Кадры как фактор развития цифровой экономики в странах ССАГПЗ // Сегодня и завтра Российской экономики. № 91–92. С. 20–26. [Aidrous I. A. Z., Asmyatullin R. R. (2018) Personnel as a factor in the development of the digital economy in the GCC countries // Today and Tomorrow of the Russian Economy. No. 91–92. Pp. 20–26. (In Russian).] DOI: 10.26653/1993-4947-2018-91-92-02

2. Крылов А. В., Федорченко А. В. (2015) Ближний Восток: перспективы развития региональной ситуации / Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. № 3 (13). С. 56–83. [Krylov A. V., Fedorchenko A. V. (2015) The Middle East: prospects for the development of the regional situation / Yearbook of the Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. No. 3 (13). Pp. 56–83. (In Russian).]

3. Русакович В. И. (2017) Экономическое развитие и диверсификация в странах Персидского залива: современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 25. № 3. С. 393–404. [Rusakovich V. I. (2017) Economic development and diversification in the Persian Gulf countries: modern trends // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. Vol. 25. No. 3. Pp. 393–404. (In Russian).]

4. Шкваря Л. В., Родин С. И. (2020) Цифровая экономика в ССАГПЗ: современное состояние и проблемы // Экономика и предпринимательство. № 2 (115). С. 188–191. [Shkvarya L. V., Rodin S. I. (2020) The digital economy in the GCC: current state and problems // Economics and entrepreneurship. No. 2 (115). (In Russian).] Pp. 188–191. DOI: 10.34925/EIP.2020.115.2.033

5. Шкваря Л. В. (2011) Россия — страны Залива: инвестиционное сотрудничество // Азия и Африка сегодня. № 5 (646). С. 18–23. [Shkvarya L. V. (2011) Russia — Gulf countries: investment cooperation // Asia and Africa today. No. 5 (646). Pp. 18–23. (In Russian).]

6. Шкваря Л. В. (2008) Проблемы субрегиональной межарабской экономической интеграции в условиях глобализации монография / Москва. [Shkvarya L. V. (2008) Problems of sub-regional inter-Arab economic integration in the context of globalization monograph / Moscow. (In Russian).]

7. Шкваря, Л. В., Соловьёва Ю. В. (2019) Трансфер технологий и инновационное развитие: Тенденции и перспективы стран Персидского залива. Москва: Ленанд. [Shkvarya L. V., Solovieva Yu. V. (2019) Technology Transfer and Innovative Development: Gulf Trends and Prospects. Moscow: Lenand. (In Russian).]

8. Antwi–Boateng O., Alhashmi A. A. (2021) The emergence of the United Arab Emirates as a global soft power: current strategies and future challenges // Economic and Political Studies. Vol. 10. Is. 2. Pp. 1–20. DOI: 10.1080/20954816.2021.1951481

9. Arab Human Development Report 2022. Expanding Opportunities for an Inclusive and Resilient Recovery in the Post–COVID Era. URL: https://www.un-ilibrary.org/content/periodicals/25202189

10. Fergany N. (2016) Arab Revolution in the 21st Century?: lessons from Egypt and Tunisia. Palgrave MacMillan. 208 pp. URL: www.academia.edu/78663363/Arab_Revolution_in_the_21st_Century

11. Polyakov D. (2023) The Middle Eastern Subsystem of International Relations in the 20s of the 21st Century // Oriental Courier. Is. 1. Pp. 48–62. DOI: 10.18254/S268684310025306-4

12. The UNDP Regional Programme for Arab States (2022–2025). URL: https://www.undp.org/arab-states/regional-programme-arab-states

13. UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/

The problems of the Arab States' development at the present stage and the possibilities of overcoming them

Vasily I. Rusakovich,

PhD of Economic Sciences, General Director of Antares LLC, Moscow, Russia.

The processes taking place in the Arab world are actively being transformed, to the extent that this is consistent with the traditions and approaches of this group of countries to development and solving certain tasks. The direction of the development vector of the Arab world in the global economic system is becoming relevant due to the growing importance of the Arab world with an extremely negative external impact on socio-economic processes and unstable prospects, but remains controversial. The article attempts to provide a brief overview of the current state, problems and opportunities of the Arab world, as well as its prospects, taking into account the global and regional situation. The high degree of differentiation of the Arab world in terms of the level of socio-economic development is shown. The uncertainty factors affecting the current and future evolution of the Arab world are classified and options for measures to ensure its interests based on these factors are proposed. The author comes to the conclusion that new threats, imbalances and imbalances are emerging in the region and individual states, as well as new development opportunities. In our opinion, the realization of these opportunities is possible with greater coordination and interaction between the Arab world, joining forces and mutual support based on awareness of the Arab world's own interests and their collective defense. Understanding the development vectors of the Arab world will provide an opportunity not only for a more accurate understanding of the current situation here, that is, from a theoretical point of view, but also provide an opportunity to clarify the policy of interaction with the Arab world for third countries, for example, the Russian Federation.

Keywords: *the Arab world, global processes, global challenges,* development opportunities, mechanisms for protecting interests.

JEL codes: *E01, E61, F01, F59, F62, O53.*

«Голубая» экономика в АСЕАН как перспективный драйвер прогресса и опыт Индонезии

Сабон Виктория Лелу[1]

Традиционно, будучи важной составляющей хозяйственной деятельности стран АСЕАН, «голубая» экономика в современной трактовке занимает все больше внимания государств, бизнеса и общества в интеграционном объединении, как объект управления и основа развития. Цель статьи — проанализировать не только возможности, но и рассмотреть программы имплементации «голубой» экономики в АСЕАН на примере Индонезии. Реализация концепции «голубой» экономики направлена на поддержание устойчивости при одновременном стимулировании экономического роста АСЕАН. Автор обосновывает точку зрения о том, что АСЕАН в целом, а также отдельные страны, например Индонезия, должны проявлять инициативу в реализации принципов «голубой» экономики, в том числе в морском и рыбохозяйственном секторах. Помимо приоритизации сохранения здоровья океанов, стратегическая политика «голубой» экономики также открывает инвестиционные возможности, занятость и справедливый национальный экономический рост для повышения уровня жизни людей в регионах. Сохранение морских районов выступает одной из основных стратегий АСЕАН, в том числе Индонезии, по восстановлению морской среды и водных экосистем. Страна, как и АСЕАН в целом, придерживается позиции, что экология будет поддерживаться, за ней последует экономика. Но если экосистеме будет нанесен ущерб, экономическая деятельность также неизбежно будет разрушаться. В то же время концепция «голубой» экономики остается дискуссионной, что требует дополнительных исследований данной сферы, включая ее возможности и издержки.

Ключевые слова: *АСЕАН, Индонезия, «голубая» экономика, мировой океан, морские экосистемы, экологическое развитие.*

JEL коды: *F01, F64, N55, O13.*

Введение

В последние годы «голубая» экономика привлекает растущий теоретический и практический интерес, который входит в новую фазу и приобретает растущую практическую значимость. Причиной этой тенденции называют растущую глобализацию биолого-экономических отношений, осуществляющуюся на протяжении уже длительного времени в условиях растущего ограничения возможностей использования природных ресурсов и обострения конкуренции (Winder, Le Heron, 2017). Многие ученые и международные организации говорят о том, что этот сегмент, будучи чрезвычайно перспективным и обладая

[1] *Сабон Виктория Лелу* — кандидат экономических наук, преподаватель кафедры Зеленой экономии, руководитель Центра глобальных бизнес-стратегий, Университет Сурья, Научный бизнес–парк, Индонезия.

огромным потенциалом, станет в будущим важнейшим направлением и катализатором прогресса, обеспечит устойчивое развитие и даст возможность решить (или хотя бы сократить напряжение) целого ряда глобальных проблем, включая продовольственную (Keen et al., 2018; Patil et al., 2016; United Nations, 2014; World Bank and United Nations, 2017). «Голубая» экономика рассматривается как важная и перспективная платформа для улучшения жизни (в том числе через создание новых рабочих мест, что крайне важно для стран с развивающимися рынками (Pauli, 2010) и хозяйствования, и при этом акцентирует внимание на вопросы и проблемы устойчивости окружающей среды, которая является центром экономического и социального прогресса, особенно для стран Юго–Восточной Азии (Bhattacharya, Dash, 2020).

Исследователи обращают внимание на то, что внедрение принципов «голубой» экономики обеспечит повышение эффективности управления на региональном и страновом уровнях, активизирует интеграцию АСЕАН в мировую систему (Кирей, 2024). Так, принципы «голубой» экономики рассматриваются и поощряются в качестве приоритета сотрудничества между странами Юго–Восточной Азии (АСЕАН), что должно принести всеохватывающие экономические выгоды народам АСЕАН. Дело в том, что географически более 66% территории Юго–Восточной Азии — это не что иное, как воды мирового океана и открытого моря, от «состояния здоровья» которых во многом зависит и экономическое, и гуманитарное, и социально-демографическое положение АСЕАН. По этой причине Индонезия и другие страны стремятся сделать Рамочную программу «голубой» экономики АСЕАН одним из стратегических направлений в финансовом секторе или приоритетных производных экономических инструментов. Это также способствует сохранению моря и поддерживающих его экосистем. Также, по мнению экспертов, экологическое развитие выступает одним из условий и одновременно характеристик эффективности экономического и социального развития (Мельянцев, Адрова, 2021).

«Голубая» экономика поддерживает достижение целей устойчивого развития (World Bank and United Nations).

В то же время развитие «голубой» экономики в АСЕАН и в отдельных странах, сталкивается с непростыми проблемами. Поиск решений этих проблем имеет важное значение, причем не только для АСЕАН, но и всего мира.

Результаты исследования

АСЕАН в настоящее время превращается в один из центров мировой экономики не только в «традиционных» сферах, но и в цифровой, экологической, гуманитарной, что базируется на устойчивых и высоких темпах роста объединения (табл. 1).

Можно перечислить несколько фактов (Экономика АСЕАН, 2025):

- В 2010–2023 г. ВВП АСЕАН, которая объединяет страны Юго–Восточной Азии с совокупным населением почти 680 млн человек, рос в среднем на 4,5% в год.
- В 2023 г. совокупный ВВП стран блока увеличился на 4,1%. Номинальный ВВП АСЕАН в том году достиг 3,8 трлн долларов.
- Номинальный ВВП АСЕАН на душу населения в 2023 г. составил 5,794 тыс. долларов, что на 37,6% больше, чем в 2015 г.
- Также есть прогнозы, что к 2025 г. цифровая экономика АСЕАН достигнет 300 млрд долларов.

Таблица 1.

Макроэкономические показатели АСЕАН, 2023 г.

Страна	ВВП в текущих ценах ($млрд)	ВВП на душу населения ($тыс.)	Темпы роста ВВП в постоянных ценах (%)	Доля сферы услуг в ВВП (%)	Уровень инфляции (%)
Бруней-Даруссалам	15,1	33,5	1,4	38,8	0,4
Камбоджа	42,0	2,5	5,0	35,4	2,1
Индонезия	1 371,1	4,9	5,0	42,9	3,6
Лаос	14,2	1,9	4,2	35,8	31,2
Малайзия	396,3	11,9	3,6	53,4	2,5
Мьянма	64,4	1,1	3,3	45,1	22,0
Филиппины	437,2	3,9	5,5	62,4	6,0
Сингапур	501,3	84,7	1,1	76,4	4,8
Таиланд	514,9	7,4	1,9	58,5	1,2
Вьетнам	429,5	4,3	5,0	42,5	3,3

Источник: (Экономика АСЕАН, 2025).

Цели «голубой» экономики в АСЕАН:

– Экономический рост в различных секторах, таких как рыболовство, аквакультура, морские перевозки, возобновляемая энергия, туризм и другие.

– Устойчивое и инклюзивное экономическое и социальное развитие, связанное с морской и пресноводной деятельностью.

– Сохранение окружающей среды и уменьшение уязвимости ресурсов и экосистем к изменениям климата и стихийным бедствиям.

– Обеспечение справедливого распределения возможностей и доходов, а также уважение культурных и социальных ценностей местных и прибрежных сообществ.

– Улучшение благосостояния человека и социальной справедливости.

Таким образом, «Голубая» экономика в АСЕАН направлена на создание социально, экономически и экологически устойчивого роста.

Декларация лидеров АСЕАН о «Голубой» экономике была принята на 38–м и 39–м саммитах АСЕАН в октябре 2021 г. По определению АСЕАН, «голубая» экономика — это интегрированный, целостный, межотраслевой подход с участием всех заинтересованных сторон, который создает добавленную стоимость и цепочку поставок ресурсов из океанов, морей и пресных водоемов инклюзивным и устойчивым образом, что делает «голубую» экономику новым двигателем будущего экономического роста АСЕАН. «Голубая» экономика АСЕАН включает сектора добычи и переработки нефти и газа, выступает катализатором развития традиционного морского сектора, такого как рыболовство, аквакультура, переработка рыбы, туризм и ускоряет развитие новых секторов, таких как возобновляемые источники энергии, биотехнологии, исследования и образование для морских и пресноводных ресурсов, а также для других новых секторов, связанных с водными ресурсами.

«Рамочная программа «голубой» экономики АСЕАН» была принята на 43–м саммите АСЕАН. Она направлена на региональное сотрудничество в области «голубой» экономики и

включает такие приоритеты, как создание стоимости, устойчивость, инклюзивность и развитие. Для реализации Рамочной программы предполагается найти конкретные механизмы для того, чтобы эффективно осуществлять устойчивое международное сотрудничество между странами АСЕАН. Цель состоит в том, чтобы направлять и поддерживать внедрение устойчивого использования морских ресурсов для глобального экономического роста, социального развития и сохранения окружающей среды. Кроме того, разработка и использование новых знаний создаст социально-экономическое благосостояние, обеспечит здоровое состояние морских районов и укрепит жизнестойкость нынешнего и будущих поколений.

В рамках программы, в частности, планируется:

- Защита морской среды. Проект направлен на защиту морских экосистем, которые важны для поддержания окружающей среды и экономики блока.
- Использование технологий. Планируется применение научных исследований, данных и технологических инноваций, которые могут повысить эффективность цепочек создания ценности в «голубой» экономике и облегчить торговлю в АСЕАН.
- Развитие безопасного и справедливого рыболовства.

Внедрение концепций и программ развития «голубой» экономики поощряется к дальнейшему росту в АСЕАН и отдельных странах, например, в Индонезии, потому что выгод от этого очень много. Кроме того, считается, что сегмент «голубой» экономики сможет сбалансировать очень быструю экономическую деятельность с экологической деятельностью, чтобы сохранить море здоровым и устойчивым.

Прибрежные районы и океаны являются ценным активом для Индонезии, крупнейшей экономики АСЕАН (Шкваря, 2013а). Однако, наряду с высокими экономическими показателями (табл. 1), а также значимыми успехами в высокотехнологичной сфере (Шкваря, 2013в) страна характеризуется и значительным «голубым» потенциалом. Являясь крупнейшей страной Ассоциации государств Юго–Восточной Азии (АСЕАН) с точки зрения суши, воды и населения, Индонезия располагает более чем 18 000 островами, 80 791 км береговой линии и 3 млн кв. км исключительных экономических вод, включая Коралловый треугольник, который представляет собой крупнейшую коллекцию морского биоразнообразия в мире, которую Индонезия имеет вместе с другими странами. В Индонезии произрастает более 200 видов (морских водорослей. Мангровые экосистемы, водоросли, коралловые рифы и рыбные ресурсы (*SDI*) обладают большой ценностью экосистемных услуг, которые могут поддержать экономику страны и средства к существованию прибрежных сообществ (Сабон, 2020). Однако все эти активы в настоящее время находятся под давлением из-за нерациональных методов эксплуатации и других внешних факторов, таких как изменение климата. Ситуация усугубляется увеличением числа индонезийцев, проживающих в прибрежных районах.

Хорошо развитыми секторами «голубой» экономики в Индонезии являются рыболовство, переработка морепродуктов, судоходство и порты, судостроение и ремонт судов, добыча нефти и газа на мелководье, морское производство и прибрежный туризм, морские бизнес-услуги, морские исследования и разработки, образование и дноуглубительные работы.

Пять индонезийских программ «голубой» экономики (расширение охраны морской среды, измеряемый промысел на основе квот; развитие морской аквакультуры; устойчивое развитие прибрежных районов и суши; надзор и контроль за прибрежными районами и малыми островами; и очистка пластиковых отходов в рамках движения за участие рыбаков

или месяца любви к морю) состоят из расширения заповедных зон с целью достижения 30% от общей площади территориальных вод Индонезии и внедрения измеримой политики рыболовства на основе квот для поддержания популяции рыб.

Первой и важнейшей стратегией является расширение морских охраняемых районов. С 2019 г. Индонезия добилась больших успехов, поскольку смогла превысить целевой показатель в 20 млн гектаров (га). Затем целевой показатель расширения был увеличен до 32,5 млн га с надеждой быть реализованным в 2030 г. Однако 2030 г. еще не наступил, а достижение площади морских охраняемых районов приблизилось к поставленной цели. На конец 2021 г. установленная площадь достигла 28 411 308,83 га, или 86,5%.

Вторая стратегия, которая является частью развития «голубой» экономики, — это взвешенная рыболовная политика на основе квот во всей рыбохозяйственной зоне Республики Индонезия (*WPPNRI*), для того чтобы сохранить популяцию рыб стабильной и способствовать справедливому экономическому росту в прибрежных районах. Политика измеримого рыболовства на основе квот считается наиболее эффективной политикой использования рыбных ресурсов (*SDI*) в подсекторе рыболовного промысла.

Третья стратегия, являющаяся частью «голубой» экономики, заключается в развитии экологически чистой аквакультуры. Эта программа осуществляется с целью улучшения, восстановления и поддержания экологических условий, в которых осуществляется культивирование, поскольку это может улучшить производственный процесс и избежать загрязнения окружающей среды. Применение экологически безопасных принципов в настоящее время применяется к подсектору аквакультуры в рамках реализации стратегии использования природных ресурсов для эффективного и устойчивого развития аквакультуры. Среди стратегий, реализуемых для эффективного использования природных ресурсов в аквакультурной деятельности, — экологическое управление аквакультурой. Деятельность относится к Постановлению правительства № 28 от 2017 г. о разведении рыбы.

Четвертая стратегия заключается в реализации механизма использования прибрежных районов и малых островов. Реализация стратегии, среди прочего, осуществляется путем восстановления прибрежных водных экосистем путем пересадки мангровых лесов (зарослей). Мангровые леса в Индонезии — крупнейшие в мире и занимают площадь в 3,36 млн га, или 20% мангровых лесов в мире.

Ссылаясь на мандат Президентского постановления № 120 от 2020 г., касающегося Агентства по восстановлению торфа и мангровых зарослей, к 2024 г. площадь восстановления мангровых лесов достигла целевого показателя в 600 000 га. Деятельность по расширению мангровых лесов сталкивается с такими проблемами, как изменение климата, преобразование земель, использование мангровых деревьев и проблемы регулирования. Важность мангровых лесов как части морской экосистемы является общепризнанной, как в Индонезии и АСЕАН, так и в мире.

Последней пятой стратегией, которая является частью развития «голубой» экономики, является реализация программы Месяца любви к морю (*BCL*), которая была инициирована для решения проблемы мусора в море. Благодаря этой программе всем рыбакам в Индонезии предлагается внести непосредственный вклад в поддержание чистоты своих морских акваторий. Рыбакам будет предложено отдохнуть в море и сосредоточиться на вылове пластиковых отходов в определенное время. При этом в Индонезии придерживаются мнения, что рыбаки с лодками общим весом менее 3 тонн могут внести прямой вклад, выполняя те же

действия в море. Если обычно ловят рыбу, то ее заменяют на вылов пластиковых отходов, получая от правительства компенсацию.

Все стратегии будут действовать одновременно, будучи взаимосвязаны. Цель состоит в поддержании изобилия рыбных запасов, облегчении проблемы морского мусора, поощрении справедливого экономического роста в прибрежных районах, содействии сдерживанию темпов изменения климата, которое является глобальной проблемой.

Ставится задача развития экологически чистого выращивания в морских, прибрежных и сухопутных районах, структурирование использования морских, прибрежных и малых островных пространств для защиты находящихся в них ресурсов от ущерба, причиняемого экономической деятельностью, и программы обращения с морскими отходами. Усилия правительства Индонезии по укреплению «голубой» экономики включают преобразование Восточной Нуса–Тенггары и Западной Нуса–Тенггары в районы, предназначенные для аквакультуры в Индонезии.

Дорожная карта была запущена, поскольку считается, что «голубая» экономика выступает новым источником роста для Индонезии и может способствовать достижению видения Индонезии до 2045 г., когда морской и рыбохозяйственный сектор внесет в национальную экономику вдвое больший вклад, чем сейчас. Индонезия станет страной с высоким уровнем дохода в ближайшие несколько лет. Для реализации этих достижений исследовательская деятельность должна быть приоритетной и постоянно расширяться. Исследования могут охватывать все аспекты морского и рыбохозяйственного сектора. Например, выращивание морских водорослей, которые обладают огромным потенциалом не только в сыром виде (*raw*), но и в других формах, таких как источники энергии на биотопливе, удобрения, продукты питания, очистка моря, улавливатели выбросов углекислого газа (CO 2).

Индонезия полагается на альтернативные инструменты финансирования проектов «голубой» экономики, тем более что опыт такого финансирования уже давно существует (Савинский, 2023), в том числе в Азии (Morgan et al., 2022). Существующее альтернативное финансирование в настоящее время зависит только от суверенных облигаций или международных долговых ценных бумаг (бондов), выпущенных правительством Индонезии. Однако этого будет недостаточно, чтобы восполнить нехватку необходимого финансирования. Важно разработать несуверенные инструменты с привлечением различных заинтересованных сторон. Со своей стороны, правительство Индонезии открывает широкие возможности для соответствующих сторон, заинтересованных в определении стратегии финансирования «голубой» экономики, совместно содержащейся в Рамочной программе «голубой» экономики АСЕАН, например, посредством создания «голубого» фонда. Это очень важно для поддержки достижения видения Индонезии к 2045 г. — стать развитой страной к празднованию 100-летия независимости. Для этого «голубым» проектам необходимо достаточное финансирование для поддержки и реализации. Это обстоятельство обязывает Индонезию продолжать дальнейшее изучение потребностей стратегии и политики в новых рамках для развития «голубой» экономики, которая является одним из приоритетов.

Важно отметить, что Индонезия не только самостоятельно развивает «голубые» проекты, но и во взаимодействии с АСЕАН и третьими странами, такими как Китай (Антощук, 2024) и Россия (Семенова, Фокина, 2022).

Заключение

Устойчивое развитие становится все более важным направлением в глобальном мире. АСЕАН нуждается в новом двигателе роста для экономического прогресса и повышения благосостояния населения. В этом контексте «голубая» экономика АСЕАН предлагает большие возможности для эволюции стран, предпринимателей и инвесторов. Переход к «голубой» экономике предоставляет возможность стимулировать рост ВВП, одновременно поддерживая достижение различных Целей устойчивого развития (ЦУР) в АСЕАН. «Голубая» экономика больше не рассматривается просто как коллективные усилия стран–членов АСЕАН по смягчению последствий *COVID–19*, а как новый двигатель роста АСЕАН.

Сохранение морских районов выступает одной из основных стратегий АСЕАН, в том числе Индонезии, по восстановлению морской среды и водных экосистем. Страна, как и АСЕАН в целом, придерживается позиции, что экология будет поддерживаться, за ней последует экономика. Но если экосистеме будет нанесен ущерб, экономическая деятельность также неизбежно будет разрушаться. В то же время концепция «голубой» экономики остается дискуссионной, что требует дополнительных исследований данной сферы, включая ее возможности и издержки.

Список литературы

1. Антощук А. Д. (2024) Голубая экономика в системе международного взаимодействия КНР // Молодежь. Наука. Инновации. Т. 2. С. 76–81. [Antoshchuk A. D. (2024) The blue economy in the system of international cooperation of the PRC // Youth. Science. Innovations. Vol. 2. Pp. 76–81. (In Russian).]

2. Кирей В. В. (2024) Голубая экономика: классификация и критерии голубых проектов // Финансовый менеджмент. № 2. С. 260–270. [Kirey V. V. (2024) Blue economy: classification and criteria of blue projects // Financial management. № 2. Pp. 260–270. (In Russian).]

3. Мельянцев В. А., Адрова И. С. (2021) Индонезия: основные параметры эффективности экономического и социального развития. Часть 2. // Азия и Африка сегодня. № 4. С. 5–14. [Melyantsev V. A., Adrova I. S. (2021) Indonesia: the main parameters of the effectiveness of economic and social development. Part 2. // Asia and Africa today. No. 4. Pp. 5–14. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750014641-7

4. Сабон В. Л. (2020) «Зеленая» экономика в АСЕАН: опыт Индонезии // Инновационная экономика. № 2 (23). С. 4–15. [Sabon V. L. (2020) «Green» economy in ASEAN: the experience of Indonesia // Innovative Economy. No. 2 (23). Pp. 4–15. (In Russian).]

5. Савинский С. П. (2023) Финансирование «голубой» экономики // Банковское дело. № 3. С. 37–44. [Savinsky S. P. (2023) Financing the «blue» economy // Banking. No. 3. Pp. 37–44. (In Russian).]

6. Семенова К. С., Фокина А. А. (2022) Опыт и перспективы устойчивого развития в России и Индонезии на примере Ленинградской области и региона Сурбая / В сборнике: Время научного прогресса. Сборник научных трудов по материалам VII Международной конференции. Волгоград. С. 47–54. [Semenova K. S., Fokina A. A. (2022) Experience and prospects of sustainable development in Russia and Indonesia on the example of the Leningrad region and the Surbaya region / In the collection: Time of scientific progress. Collection of scientific papers based on the materials of the VII International Conference. Volgograd. Pp. 47–54. (In Russian).]

7. Шкваря Л. В. (2013а) Экономика Индонезии: современные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 62–69. [Shkvarya L. V. (2013a) The economy of Indonesia: current trends // World economy and international relations. No. 11. Pp. 62–69. (In Russian).]

8. Шкваря Л. В. (2013в) Индонезия и космос // Азия и Африка сегодня. № 9 (674). С. 45–48. [Shkvarya L. V. (2013b) Indonesia and space // Asia and Africa today. No. 9 (674). Pp. 45–48. (In Russian).]

9. Экономика АСЕАН. Бум инвестиций и «страны–специалисты (2025) [The ASEAN Economy. Investment boom and «specialist countries» (2025) (In Russian).] URL: https://worldmarketstudies.ru/article/ekonomika-asean-bum-investicij-i-strany-specialisty/

10. Bhattacharya P., Dash A. K. (2020) Drivers of the Blue Economy in Asian and Pacific Island Countries: An Empirical Study of the Tourism and Fisheries Sectors, ADBI. 26 p.

11. Keen M., Schwartz A.–M., Wini–Simeon L. (2018) Towards defining the Blue Economy: Practical lessons from Pacific Ocean governance // Maritime Policy. Vol. 88. P. 333–341. DOI: 10.1016/j.marpol.2017.03.002

12. Morgan J., Huang C., Voyer M., Benzaken D., Watanabe A. (2022) Blue Economy and Blue Finance Toward Sustainable Development and Ocean Governance, Asian Development Bank Institute, Tokyo, Japan. 380 p.

13. Patil P. Virdin J., Deese S. M., Roberts J., Singh A. (2016) Towards a Blue Economy: The Promise of Sustainable Growth in the Caribbean, World Bank, Washington. 92 p.

14. Pauli G. A. (2010) The Blue Economy: 10 Years, 100 Innovations, 100 Million Jobs, Paradigm Publications. 108 p.

15. United Nations, Blue Economy Concept Paper, 2014. 13 p.

16. Winder G. M., Le Heron R. (2017) Assembling a Blue Economy Moment? Geographic engagement with globalizing biological- economic relations in multi-use marine environments // Dialogues in Human Geography. Vol. 7. № 1. P. 3–26. DOI: 10.1177/2043820617691643

17. World Bank and United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA). The Potential of the Blue Economy: Increasing Longterm Benefits of the Sustainable Use of Marine Resources for Small Island Developing States and Coastal Least Developed Countries, Washington, 2017. 37 p.

ASEAN's «Blue Economy» as a promising Driver of progress and Indonesia's experience

Sabon Victoria Lelu,

PhD in Economics, Lecturer at the Department of Green Economy, Head of the Center for Global Business Strategies, Surya University, Science Business Park, Indonesia.

Traditionally, being an important component of the economic activities of the ASEAN countries, the «blue» economy in its modern interpretation is increasingly attracting the attention of states, business and society in the integration association, as an object of management and the basis of development. The purpose of the article is to analyze not only the possibilities, but also to consider the implementation programs of the «blue» economy in ASEAN using the example of Indonesia. The implementation of the Blue Economy concept is aimed at maintaining sustainability while stimulating

ASEAN's economic growth. The author substantiates the point of view that ASEAN as a whole, as well as individual countries, should take the initiative in implementing the principles of the «blue» economy, including in the marine and fisheries sectors. In addition to prioritizing ocean health, the strategic policy of the Blue Economy also opens up investment opportunities, employment, and equitable national economic growth to improve the standard of living of people in the regions. Marine conservation is one of the main strategies of ASEAN, including Indonesia, to restore the marine environment and aquatic ecosystems. The country, like ASEAN as a whole, adheres to the position that the environment will be supported, followed by the economy. But if the ecosystem is damaged, economic activity will also inevitably collapse. At the same time, the concept of a «blue» economy remains controversial, which requires additional research in this area, including its opportunities and costs.

***Keywords**: ASEAN, Indonesia, «blue» economy, world ocean, marine ecosystems, ecological development.*

***JEL codes:** F01, F64, N55, O13.*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ / ECONOMIC THEORY AND HISTORY

Декарбонизация экономики: теоретические аспекты

***Шкваря Людмила Васильевна*[1],**
***Сергеева Джулия Робертовна*[2]**

Процессы декарбонизации в мире и в отдельных странах вызывают все более пристальный научный интерес, а также формируют запросы со стороны бизнеса и политиков. Интерес к декарбонизации связан с растущими экологическими проблемами и возможностями для устойчивого развития планеты в перспективе. Статья нацелена на раскрытие концептуальных основ декарбонизации как одной из основных тенденций современного развития мировой экономики и национальных, региональных, корпоративных, а также отраслевых хозяйственных систем. В статье проанализированы имеющиеся различные теоретические подходы к оценке декарбонизации. Авторами систематизированы современные проблемы, актуализирующие этот процесс, и обосновывающие его объективную необходимость. Показана возможность декарбонизации в современном мире, которая опирается на целый ряд объективных современных тенденций, направлений мировой и национальной политики и потенциал в этой сфере, уже наработанный странами мира — для снижения угроз экологического, экономического и социального аспектов, неравенства и «разрывов развития». Авторы приходят к выводу о том, что для успешной декарбонизации необходим точный стратегический подход, адекватный корпоративной специфике, а также полноценное управление изменениями. Сегодня в научной среде пока не установилось единое мнение относительно преимуществ декарбонизации и необходимости ее внедрения, а практика и научные исследования свидетельствуют, что имеющиеся наработки не справляются с проблемами изменения климата. что требует дополнительных объективных, а не ангажированных, исследований.

Ключевые слова: *мировая экономика, декарбонизация, экосистемы, экологические процессы, климатические изменения, выбросы парниковых газов, устойчивое развитие.*

JEL коды: *F01, F18, F64, O13, O44.*

Введение

История мировых погодных наблюдений, которая документируется с XVIII века, показывает рост температуры воздуха в мире, и эта тенденция, с точки зрения ряда экспертов, сохранится, что рассматривается как неблагоприятная с точки зрения перспектив жизни и развития глобальной экосистемы тенденция. Исследования показывают, что повышение температуры на 2°C по сравнению с доиндустриальной эпохой приведет к усилению засух,

[1] *Шкваря Людмила Васильевна* — доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Россия и Азия», Москва, Россия.
[2] *Сергеева Джулия Робертовна* — магистрант, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

разрушительных наводнений, пожаров и ураганов (Уоллес–Уэллс, 2020). Поэтому проблемы изменения климата, которые связываются с выбросами углекислого газа в современном мире, стали одним из глобальных приоритетов для ученых, политиков, предпринимателей с точки зрения обеспечения возможностей устойчивого развития и адаптации к климатическим изменениям (Порфирьев, 2022) в соответствии с Целями устойчивого развития (ЦУР) — в мире (Парцвания, Слука, 2023) и в отдельных странах (Гильяно, Рындюг, 2024). Помимо этого, декарбонизация оказывает влияние и на целый ряд отраслей (Башмаков, 2023).

В то же время в научном сообществе есть и другая точка зрения, которая подчеркивает, что прогнозы глобальных изменений температуры носят противоречивый и субъективный характер, что достоверные и однозначные данные об обусловленности глобального потепления парниковым эффектом отсутствуют, так как в мире периоды потепления сменяются эпохами похолодания. Также обращается внимание на политизацию вопросов, касающихся декарбонизации (Снакин, 2019), так как, по мнению некоторых авторов, «…сомнительная гипотеза о влиянии антропогенных выбросов CO_2 оформилась в схоластические инструменты борьбы между экономическими системами» (Шаповалов, 2022).

Исследовательский интерес к вопросу взаимосвязи экологической динамики и экономического роста актуализируется, и зачастую ответом на этот вопрос представляется декарбонизация [1], однако многие вопросы в этом процессе нуждаются в дальнейшем исследовании и научной разработке, в том числе и для формирования политических решений и реальных шагов субъектов хозяйствования на различных уровнях.

Результаты исследования

Понятие «декарбонизация» трактуется в научной литературе достаточно однозначно — как процесс трансформации экономики и энергетической системы, направленный на снижение объемов выброса парниковых газов в атмосферу с общей целью достижения углеродной нейтральности (нулевого углеродного следа), т. е. это процесс перехода к низкоуглеродной экономике (Хуторова, 2022). Эксперты отмечают, что декарбонизация — «…это очень длительный процесс, требующий, по сути, смены технологического уклада через переход с традиционных технологий и использования традиционных топливно-энергетических ресурсов на новые (низкоуглеродные) технологии и возобновляемые источники энергии» (Гильмундинов, Панкова, 2022).

Исследователи и международные организации полагают, что необходимость активизации процесса декарбонизации предопределяется рядом проблем, и даже угроз, с которыми сталкивается мир (Khabbazan, Hokamp, 2020). Среди них отмечаются следующие.

1. **Изменение климата и дисбаланс в экосистемах**. Эта проблема выделяется как одна из наиболее приоритетных, так как ежегодно температура воздуха, а также океана, увеличивается (Here's how) из-за постоянного и значительного роста выбросов парниковых газов (рис. 1). Глобальному потеплению способствуют углекислый и другие парниковые газы, преимущественно антропогенного происхождения, выбросы которых вызывают ряд негативных экстремальных явлений, таких как засухи, ураганы, эрозия почвы, изменения

[1] Первый патент на метод декарбонизации двигателя был подан в 1915 г. Уильямом Э. Ахерном, и широко распространено мнение, что он считается изобретателем этого процесса.

водного баланса, включая закисление океана, в мире и в отдельных странах и т. д. (Причины и последствия изменения климата). Выбросы парниковых газов негативно влияют на общее состояние экосистемы, разбалансируя ее элементы. Так, изменение климата меняет географический ареал и характер миграций животных и рыб. Некоторые виды растений могут исчезнуть, не успев приспособиться к изменению климата.

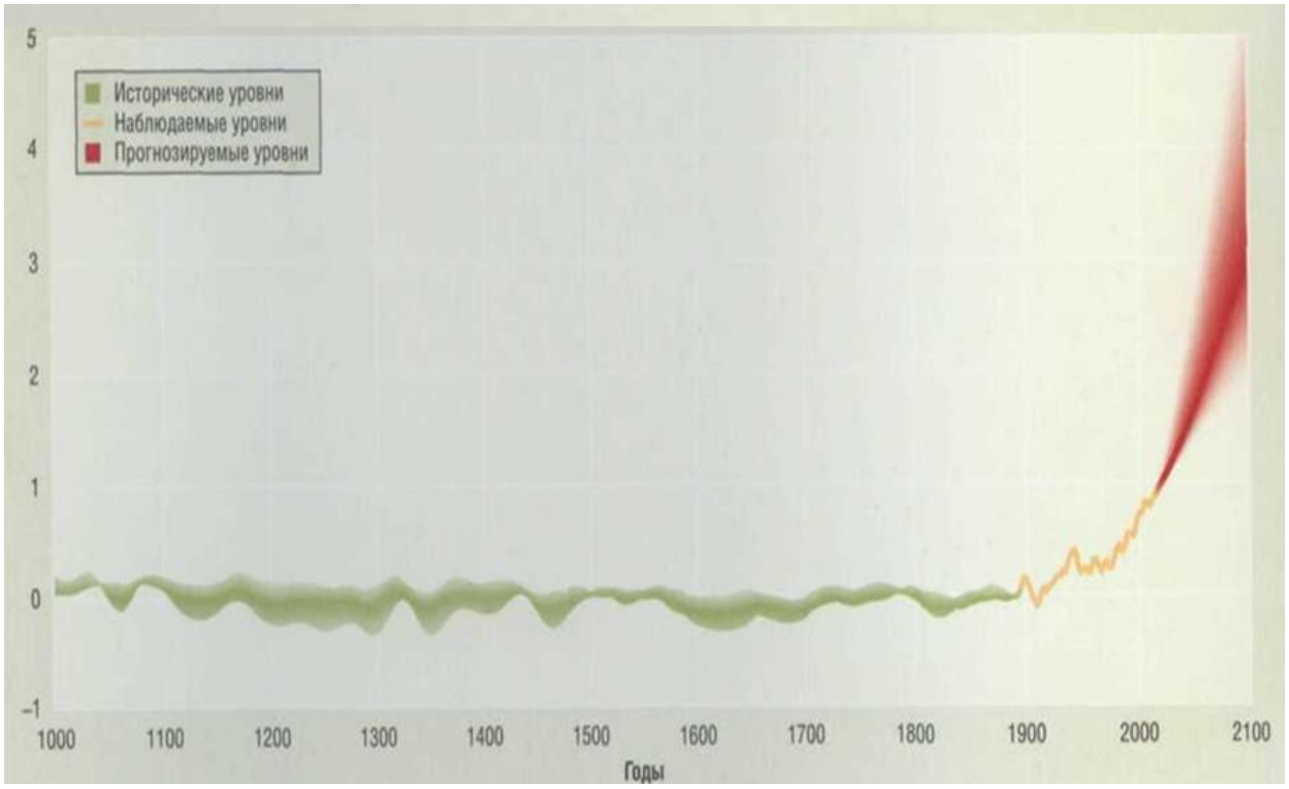

Рис. 1. Изменение температуры воздуха в мире, начиная с доиндустриальной эпохи. Источник: (Global CO_2 emissions).

Парниковые газы имеют решающее значение для формирования климата Земли, благодаря своим свойствам, задерживающим тепловое излучение, но их чрезмерная концентрация в атмосфере, вызванная антропогенной деятельностью, приводит к негативным экологическим последствиям. Как видно из рис. 2, в доиндустриальную эпоху уровень парниковых газов оставался относительно сбалансированным благодаря естественным процессам, но с ростом промышленной революции и интенсивной урбанизации такая стабильность оказалась нарушенной. Человечество создало условия, при которых температура на планете постепенно повышается до опасных уровней, что, в свою очередь, приводит к изменению климата, проявляющемуся в виде экстремальных погодных явлений, повышения уровня моря, изменения экосистем и угрозы безопасности пищевых ресурсов.

В постиндустриальный период выбросы CO_2 значительно увеличились в мире, все больше активизируя разрушения глобальной и национальных экосистем, причем выбросы углекислого газа неравномерны по периодам. Они достигают пика в определенный момент времени, а затем постепенно снижаются — до следующего пика. Стойкость некоторых парниковых газов (в основном — углекислого газа), проявляется в их способности к сохранению в атмосфере на протяжении десятков и даже сотен лет, усугубляя ситуацию. Эти

колебания также сами по себе негативно воздействуют на экосистему. Соответственно, крайне важно сократить риски этих разрушений, что может стать результатом декарбонизация.

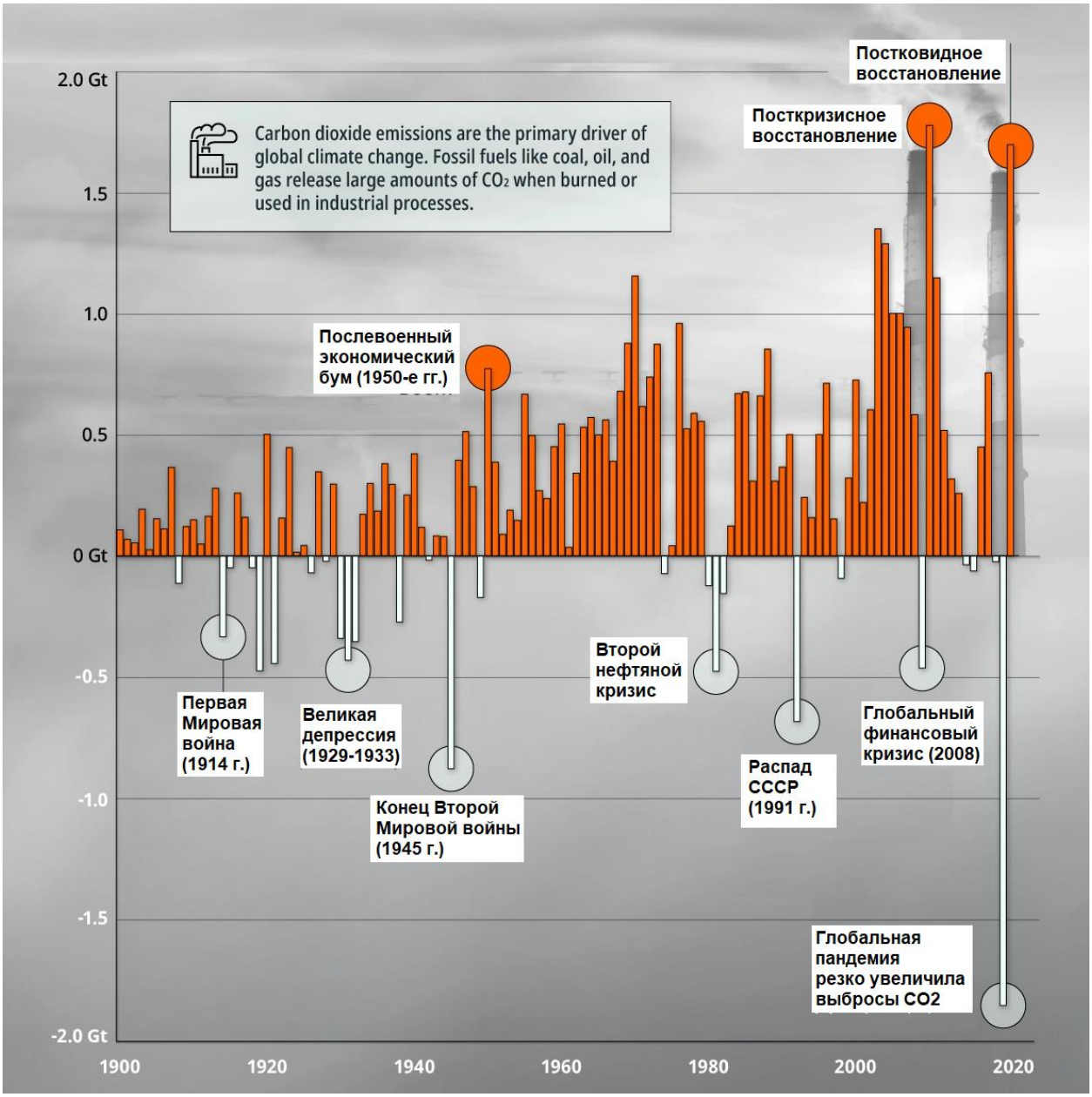

Рис. 1. Ежегодные выбросы углекислого газа (CO2) в мире в 1900–1924 гг., млрд тонн
Источник: (Global CO_2 emissions).

2. **Экономическая неустойчивость**, остается очень высокой в мире. Производство мирового валового продукта сохраняет значительную волатильность (рис. 3), особенно с 2008 г., постепенно ухудшая экономический потенциал и снижая темп роста мировой торговли, также весьма волатильной. Эта ситуация рассматривается экспертами как угроза стабильности — в целом и в отдельных макрорегионах, создающая неопределенность, следовательно, напряженность на мировых рынках, зачастую формируя предпосылки для «торговых войн» между странами», тормозит и демотивирует инвестиции, нарушает

социальный баланс, создавая условия для различных разрывов в уровнях дохода и жизни между группами населения, странами, макрорегионами.

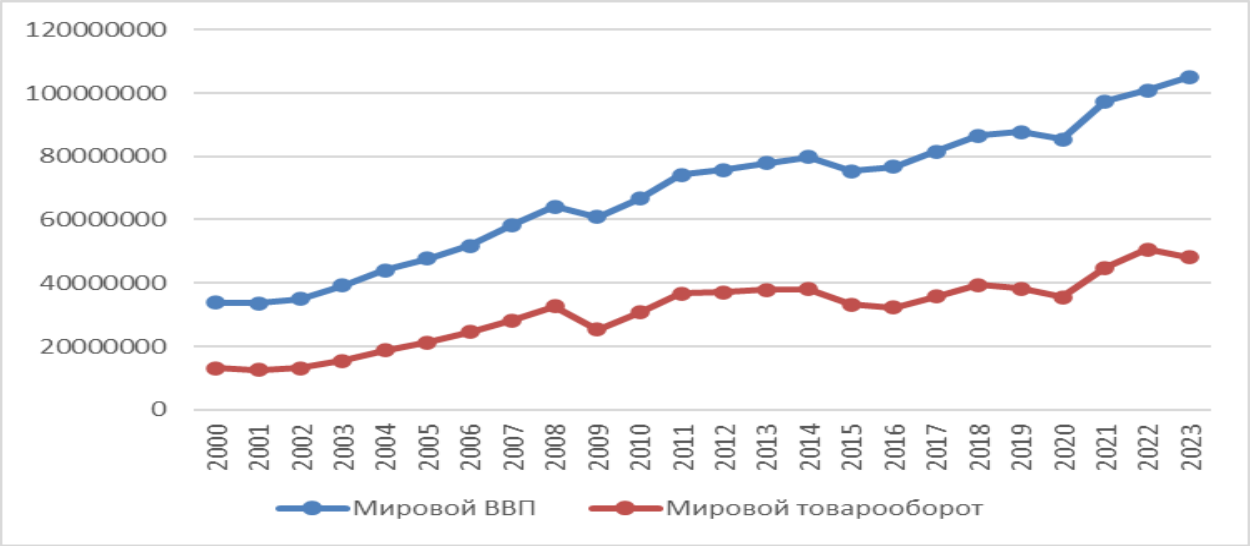

Рис. 3. Динамика мирового валового продукта и товарооборота в 2000–2023 гг., млн долларов.

Источник: (UNCTAD)

Декарбонизация, как считают эксперты, может инициировать вложения в зеленые технологии с помощью «зеленых» инвестиций (Solovieva., He, 2024), содействовать созданию новых рабочих мест, способствовать инновациям и цифровизации и укреплять экономическую стабильность, в том числе — на региональном уровне. Особенно это важно для стран с развивающимися рынками.

3. **Ухудшение качества жизни**. Высокий уровень выбросов парниковых газов, особенно углекислого, негативно воздействует на население планеты, включая состояние здоровья человека и вызывая болезни, ведущие не только к снижению качества жизни, но и ее продолжительности. Изменение климата может вызывать различные заболевания и травмы у людей, такие как обезвоживание, тепловой удар, инсульт, инфекции дыхательных путей и кожи. Чистый воздух, улучшение состояния глобальной экосистемы будет способствовать улучшению здоровья людей.

4. **Угроза продовольственной безопасности человечества** обостряется из-за возрастания негативного влияния на экосистему (Жилина, 2023). Изменение климата создает риски для сельского хозяйства и рыбного (морского) промысла (табл. 1), что, в свою очередь, может увеличить бедность, голод, неравенство, и, наоборот, сократить стабильность различных сообществ из-за невозможности поддержания устойчивых продовольственных систем, и не только экологической, но также экономической и социальной.

Особенно высока угроза продовольственной безопасности в странах Азии и Африки. По оценкам ООН, 780 млн человек сталкивались с голодом, и это затрагивает каждого десятого человека в мире, и к 2030 г. около 660 млн человек в мире по-прежнему могут сталкиваться с голодом (Fast Facts).

Таблица 1.

Риски для сельского хозяйства и рыбного (морского) промысла

Для сельского хозяйства	Для рыбного промысла
Снижение урожайности. Например, в Западной Африке потепление на 1°C по сравнению с доиндустриальным периодом привело к увеличению экстремальных температур и осадков и снижению урожайности проса на 10–20%, сорго — на 5–15%. В Австралии из-за уменьшения количества осадков и повышения температуры урожайность пшеницы снизилась на 27%.	**Сокращение запасов морепродуктов**. Ожидается, что к 2100 г. вылов рыбы в мировом океане сократится на 6%, а в тропических зонах — на 11%.
Тепловой стресс. В результате потепления сельскохозяйственные животные и работающие на открытом воздухе люди все чаще подвергаются тепловому стрессу. Он снижает трудоспособность работников и негативно влияет на здоровье животных и, как следствие, на производство мясомолочных продуктов.	**Изменение распределения рыбы**. Это может привести к изменениям в популярных местах рыбалки, экономическим изменениям в рыболовецких сообществах и повышению доступности рыболовства на Севере.
Нехватка воды. Глобальное потепление усугубляет нехватку воды в регионах, и без того испытывающих ее дефицит. Это увеличивает риск сельскохозяйственных засух, влияющих на урожай.	**Повышенные риски** наводнений, болезней, паразитов и вредного цветения водорослей. Это может привести к потерям производства и инфраструктуры.
Утрата биоразнообразия. Изменение температуры может привести к утрате биоразнообразия, что скажется на глобальных продовольственных и рыбных запасах, будет иметь социально-экономические последствия и вызовет рост дефицита питательных веществ.	

Источник: разработано авторами.

Возможность декарбонизации опирается на целый ряд объективных современных тенденций, направлений мировой и национальной политики и потенциал, уже наработанный странами мира. Среди них мы отмечаем следующие тенденции.

1. **Цифровизация.** Эта общемировая тенденция, укрепляющаяся и все шире распространяющаяся в современном мире (Шкваря, 2020), может обеспечить создание и применение технологий, способных (или способствующих) декарбонизации и использованию, например, возобновляемых источников энергии, уже получивших развитие (Новые тренды цифровизации, 2023).

2. **Улучшение состояния экосистемы и атмосферного воздуха**. Это может снизить финансовые затраты на восстановление экономики после стихийных бедствий и расходы на здравоохранение из-за заболеваний, вызванных загрязненным воздухом, водой и почвой.

3. **Технологический прогресс и развитие инноваций**. Это связано с повышением энергоэффективности и последующим снижением временных и финансовых затрат на производство и логистику. В рамках декарбонизации развиваются, например, технологии

возобновляемой энергетики, биотопливо, низкоуглеродные материалы (Cjkjdm`df? <flfkpjlf? 2024).

4. **Развитие принципов ESG, а также корпоративной и социальной ответственности**, которые повышают прозрачность международных экономических отношений и расширяют контроль за экологической и социальной сферами жизнедеятельности общества.

5. **Развитие мирового финансового рынка** за счет появления новой подсистемы — устойчивых («зеленых») финансов, которые включают в себя различные «зеленые» финансовые инструменты, климатические инвестиционные рейтинги и «зеленые» биржи.

6. **Международные инициативы и развитие институциональных основ** и механизмов сокращения негативного воздействия на окружающую среду (Гильмундинов, Тагаева, 2023). Декарбонизация является частью таких глобальных инициатив, как Парижское соглашение по климату (2015 г.), Цели устойчивого развития ООН и Программа «Зеленый курс» в Европейском союзе.

Однако есть и сдерживающие развитие декарбонизации тенденции и процессы. Например, внедрение солнечных панелей и ветряков для выработки электроэнергии сами оказывают негативное влияние на природную среду, особенно в процессе их создания, перевозки и утилизации (Шаповалов, 2022). Также исследователи отмечают возможные высокие затраты на декарбонизацию (как в широком, так и в узком аспектах). Так, отмечается, что «Если в XX в. вся экономическая мысль была направлена на поиск методов оптимизации и рационализации производства, максимизации выпуска продукции за счет минимизации потребления ресурсов и применения технологий интенсивного использования сырья, то в XXI в. приоритет начал отдаваться технологиям, которые, наоборот, по крайней мере в среднесрочном периоде приведут к росту издержек производства, повышению цен и темпов инфляции» (Жариков, 2021).

Таким образом, либо непривлекательной, либо невозможной в кратко- и даже среднесрочной перспективе для ряда стран и предприятий делают декарбонизацию следующие обстоятельства.

1. Трансформация энергетики и «перепрофилирование» стран мира в системе международного разделения труда (МРТ) с потерей доходов бюджетов. Сокращение добычи и использования невозобновляемых источников энергии.

2. Неравенство в области технологического развития. Например, не все страны могут в ближайшее время отказаться от угля как энергоносителя. Но некоторые страны ставят перед собой задачу стать «углеродно нейтральными», то есть свести выбросы углекислого газа в атмосферу до нуля.

3. Отсутствие достаточных стимулов для использования «зеленых» технологий. Это касается, в частности, производства энергии солнца и ветра, электромобилей и биотоплива.

4. Дисбаланс в готовности к декарбонизации стран с разным уровнем экономического развития, включая такие проблемы, как отсутствие или ненадлежащее качество инфраструктуры.

5. Санкционное давление на национальную экономику, например, в случае с Россией, Ираном, другими странами, что требует значительных финансовых и политических ресурсов для трансформации энергетики.

Следовательно, эффекты декарбонизации, т. е. ее влияние на экономику на глобальном и страновом уровнях, остаются дискуссионными в научной литературе, так как, с одной стороны, этот процесс может обеспечивать положительные эффекты, а с другой — негативные (табл. 2).

Таблица 2.

Эффекты декарбонизации

Положительные	Отрицательные
– улучшение состояния экосистемы и атмосферного воздуха, что повлечет за собой снижение финансовых затрат на восстановление экономики после стихийных бедствий и расходов на здравоохранение из-за заболеваний, вызванных загрязненным воздухом, водой и почвой	– создание угрозы закрытия / банкротства профильных предприятий и снижения производства ВВП за счет энергетической, транспортной и др. сфер экономики
– технологический прогресс и развитие инноваций, связанных с повышением энергоэффективности и последующим снижением временных и финансовых затрат на производство и логистику	– снижение доходов бюджета от экспорта энергоносителей в странах, добывающих полезные ископаемые
– развитие принципов *ESG* (*Environmental, Social, Governance* — принципы экологического, социального и корпоративного управления), а также корпоративной и социальной ответственности, которые повышают прозрачность международных экономических отношений и расширяют контроль за экологической и социальной сферами жизнедеятельности общества	– возникновение огромных затрат на новые технологии и соответствие новым экологическим требованиям государства и инвесторов в различных отраслях — транспорте, сельском хозяйстве, промышленности и энергетике, а также строительстве и ЖКХ
– развитие мирового финансового рынка за счет появления новой подсистемы — устойчивых («зеленых») финансов, которые включают в себя различные «зеленые» финансовые инструменты, климатические инвестиционные рейтинги и «зеленые» биржи	– подорожание товаров из-за внедрения новых и дорогих технологий, рост стоимости жизни
– появление новых рабочих мест, например, в сегменте ВИЭ	– уменьшение количества рабочих мест в добывающих отраслях

Источник: составлено авторами по: (Данеева, 2022). Дополнено авторами.

Для успешной декарбонизации необходим точный стратегический подход, адекватный корпоративной специфике, а также полноценное управление изменениями.

Заключение

Проблемы изменения климата и необходимость сокращения выбросов углекислого газа в современном мире стали одним из глобальных приоритетов для политиков и предпринимателей. Растущий интерес к декарбонизации связан с важными экологическими проблемами и возможностями для устойчивого развития планеты. Выбросы углекислого газа создают парниковый эффект, из-за которого повышается средняя температура на Земле, и это

приводит к таянию ледников, ураганам, наводнениям, засухам и другим негативным последствиям, разрушающим устойчивость и жизнеспособность экосистемы планеты и отдельных регионов и стран.

Сегодня в научной среде пока не установилось единое мнение относительно преимуществ декарбонизации и необходимости ее внедрения, а практика и научные исследования свидетельствуют, что имеющиеся наработки не справляются с проблемами изменения климата. что требует дополнительных объективных, а не ангажированных, исследований, изучения и проработки опыта различных стран и отдельных корпораций. К тому же несмотря на огромный потенциал в области декарбонизации, мы по-прежнему сталкиваемся с рядом проблем. Поэтому важно формулировать более всеобъемлющую политику для борьбы с экологическими кризисами и в то же время обеспечивать устойчивые экономические тенденции.

Список литературы

1. Башмаков И. А. (2023) Перспективы развития декарбонизации цементной промышленности мира // Фундаментальная и прикладная климатология. Т. 9. № 1. С. 33–64. [Bashmakov I. A. (2023) Prospects for the development of decarbonization of the cement industry in the world // Fundamental and applied Climatology. Vol. 9. No. 1. Pp. 33–64. (In Russian).] DOI: 10.21513/2410-8758-2023-1-33-64

2. Гильяно А. А., Рындюг В. В. (2024) Современные особенности регулирования экосистем: мировой опыт и практика стран–участниц ЕАЭС // Журнал монетарной экономики и менеджмента. № 4. С. 175–183. [Guiliano A. A., Ryndyug V. V. (2024) Modern features of ecosystem regulation: world experience and practice of the EAEU member countries // Journal of Monetary Economics and Management. No. 4. Pp. 175–183. (In Russian).]

3. Данеева Ю. О. (2022) Роль декарбонизации энергетической отрасли в развитии мировой экономики / Дисс. к. э. н., Финансовый университет при Правительстве РФ. Москва. [Daneeva Yu. O. (2022) The role of decarbonization of the energy industry in the development of the world economy / PhD Thesis in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow. (In Russian).]

4. Жариков М. В. (2021) Цена декарбонизации мировой экономики. Экономика. Налоги. Право. Т. 14. № 4. С. 40–47. [Zharikov M. V. (2021) The price of decarbonization of the world economy // Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law. Vol. 14. No. 4. Pp. 40–47. (In Russian).] DOI: 10.26794/1999-8492021-14-4-40-47

5. Жилина И. Ю. (2023) Влияние изменения климата на глобальную продовольственную безопасность // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 1. С. 166–189. [Zhilina I. Y. (2023) The impact of climate change on global food security // Economic and social problems of Russia. No. 1. Pp. 166–189. (In Russian).] DOI: 10.31249/espr/2023.01.09

6. Гильмундинов В. М., Панкова Ю. В. (2022) Декарбонизация: риски и возможности для экономики России / В сборнике: Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции ИЭОПП СО РАН и ИНП РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию. Отв. редакторы А. О. Баранов, А. А. Широв. Новосибирск. С. 118–121. [Gilmundinov V. M., Pankova Yu. V. (2022) Decarbonization: risks and opportunities for the Russian

economy / In the collection: Economic policy of Russia in the intersectoral and spatial dimension. Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference of IEPP SB RAS and INP RAS on intersectoral and regional analysis and forecasting. Editors A. O. Baranov, A. A. Shirov. Novosibirsk. Pp. 118–121. (In Russian).] DOI: 10.36264/978-5-89665-367-7-2022-005/24-180

7. Гильмундинов В. М., Тагаева Т. О. (2023) Совершенствование институциональных механизмов сокращения негативного воздействия на окружающую среду // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 16. № 9. С. 1510–1517. [Gilmundinov V. M., Tagaeva T. O. (2023) Improving Institutional Mechanisms for Reducing Negative Environmental Impacts // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. Vol. 16. No. 9. Pp. 1510–1517. (In Russian).]

8. Новые тренды цифровизации: Россия и мир / Пономаренко Е. В., Дигилина О. Б., Шкваря Л. В., Вереникина А. Ю., Меланьина М. В., Налбандян А. А., Оганесян А. А., Рузина Е. И., Тыркба Х. В., Павлов А. М., Пономарева В. С. Москва, 2023. [New trends of digitalization: Russia and the World / Ponomarenko E. V., Digilina O. B., Shkvarya L. V., Verenikina A. Yu., Melanyina M. V., Nalbandian A. A., Oganesyan A. A., Ruzina E. I., Tyrkba H. V., Pavlov A.M., Ponomareva V. S. Moscow, 2023. (In Russian).] DOI: 10.12737/2009648

9. Парцвания В. Р., Слука Н. А. (2023) Глобальные города, крупный бизнес и устойчивое развитие. Сер. Высшее образование. Москва: Инфра–М. [Partsvania V. R., Sluka N. A. (2023) Global cities, big business and sustainable development. Ser. Higher education. Moscow: Infra–M. (In Russian).]

10. Порфирьев Б. Н. (2022) Декарбонизация versus адаптация экономики к климатическим изменениям в стратегии устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. № 4 (193). С. 45–54. [Porfiriev B. N. (2022) Decarbonization versus Adaptation of the Economy to Climate Change within the Sustainable Development Strategy // Studies on Russian Economic Development. Vol. 33. No. 4. Pp. 385–391. (In Russian).] DOI: 10.1134/S1075700722040074

11. Причины и последствия изменения климата. [Causes and consequences of climate change. (In Russian).] URL: www.un.org/ru/climatechange/science/causes-effects-climate-change

12. Снакин В. В. (2019) Глобальные изменения климата: прогнозы и реальность // Жизнь Земли. Т. 41. № 2. С. 148–164. [Snakin V. V. (2019) Global climate change: forecasts and reality // Life of the Earth. Vol. 41. No. 2. Pp. 148–164. (In Russian).]

13. Соловьёва Ю. В., Бадалзода С. (2024) «Зеленая» энергетика как тренд развития в мире и в России: перспективы и возможности // Россия и Азия. № 3 (29). С. 89–103. [Solovieva Yu. V., Badalzoda S. (2024) Green energy as a development trend in the world and in Russia: prospects and opportunities // Russia and Asia. No. 3 (29). Pp. 89–103. (In Russian).]

14. Уоллес–Уэллс Д. (2020) Необитаемая Земля. Жизнь после глобального потепления / пер. с англ. М. Финогенова. Москва: Индивидуум. 320 с. [Wallace–Wells D. (2020) Uninhabited Land. Life after global warming / translated from English by M. Finogenov. Moscow: Individuum. 320 pages. (In Russian).]

15. Хуторова Н. А. (2022) Декарбонизация мировой экономики в контексте устойчивого развития / В книге: Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации. в 3 томах. Российская академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Институт права и национальной безопасности. Москва. С. 416–426. [Khutorova N. A. (2022) Decarbonization of the world economy in the context of sustainable development / In the book: Integration of science and education in the context of digital

transformation. in 3 volumes. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Institute of Law and National Security. Moscow. Pp. 416–426. (In Russian).]

16. Шаповалов А. Б. (2022) Декарбонизация экономических систем // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. № 3 (42). С. 40–47. [Shapovalov A. B. (2022) Decarbonization of economic systems // Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management. № 3 (42). Pp. 40–47. (In Russian).] DOI: 10.21777/2587-554X-2022-3-40-47

17. Шкваря Л. В. (2020) Цифровая экономика: опыт Индии // Экономика и предпринимательство. № 3 (116). С. 223–226. [Shkvarya L. V. (2020) Digital economy: the Indian experience // Economics and entrepreneurship. No. 3 (116). Pp. 223–226. (In Russian).] DOI: 10.34925/EIP.2020.116.3.044

18. Fast Facts — What are sustainable food systems? URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/fast-facts-what-are-sustainable-food-systems/

19. Here's how CO2 emissions have changed since 1900. https://www.weforum.org/stories/2022/11/visualizing-changes-carbon-dioxide-emissions-since-1900/

20. Khabbazan M. M., Hokamp S. (2020) Decarbonizing the Global Economy — Investigating the Role of Carbon Emission Inertia Using the Integrated Assessment Model MIND // Economies. Vol. 10. Is. 8. P. 186. DOI: 10.3390/economies10080186

21. Solovieva Yu., He M. (2024) Impact of «Green» financial innovations on the development of the Chinese economy // Vostok. Afro–Aziatskie Obshchestva: Istoriia i Sovremennost. № 6. Pp. 99–106. DOI: 10.31696/S086919080030478-2

22. Global CO2 emissions. URL: www.statista.com/statistics/276629/global-co2-emissions/

23. UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal

24. UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal

Decarbonization of the economy: theoretical aspects

Lyudmila V. Shkvarya,

Doctor of Economics, Professor, Editor–in–Chief of the journal "Russia and Asia", Moscow, Russia.

Julia R. Sergeeva,

Master's student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

The processes of decarbonization in the world and in individual countries are arousing increasing scientific interest, as well as generating requests from business and politicians. The interest in decarbonization is related to the growing environmental problems and opportunities for sustainable development of the planet in the future. The article aims to reveal the conceptual foundations of decarbonization as one of the main trends in the modern development of the global economy and national, regional, corporate, as well as sectoral economic systems. The article

analyzes the available various theoretical approaches to the assessment of decarbonization. The authors systematize modern problems that actualize this process and substantiate its objective necessity. The possibility of decarbonization in the modern world is shown, which is based on several objective modern trends, global and national policy directions, and the potential in this area that has already been developed by countries around the world to reduce threats from environmental, economic, and social aspects, inequality, and «development gaps». The authors conclude that successful decarbonization requires a precise strategic approach adequate to corporate specifics, as well as full-fledged change management. Today, there is still no consensus in the scientific community on the benefits of decarbonization and the need for its implementation, and practice and scientific research indicate that the existing developments cannot cope with the problems of climate change. this requires additional objective, rather than biased, research.

Keywords: *global economy, decarbonization, ecosystems, ecological processes, climate change, greenhouse gas emissions, sustainable development.*

JEL codes: *F01, F18, F64, O13, O44.*

Theory and practice of regulation for developing countries

***Sumkoski Goran*[1]**

In this paper, we explore the assumption that allowing competition and market forces in infrastructure sectors has a positive impact on investment and output in these sectors. And this study confirms the conclusions obtained by the author earlier that reducing the regulatory burden leads to increased investment and production, and that the most important components of this are market entry opportunities and competitive forces in the infrastructure sector. However, the results also support the claim that reforms aimed at implementing economic principles, either through government regulation or through IRAs, have had limited success in developing countries. These findings suggest that the traditional regulatory theory that policy makers rely on is not suitable for the institutional context of developing countries. The results obtained by the author also confirm the existence of a theoretical contradiction between the imposed principles of the theory of the regulatory state and the prevailing approach to the development state in emerging markets and justify the adoption and implementation of the socio-economic theory of regulation.

Keywords: *regulatory practice, regulatory theory, socio–economic theory of regulation, developing countries, reforms.*

JEL codes: *K23, O43, L51, L43.*

Introduction

The regulatory state in developing countries has emerged «in the shadow of the developmental state, and an incomplete understanding of the former has delayed reconciliation between the two (Cunha, Rodrigo, 2012). The regulatory state manages the economy primarily through regulatory agencies that protect society from market failures. In contrast, the developmental state intervenes more directly in the economy to stimulate economic growth in new industries. In other words, the developmental state implements industrial policy, which is not typically the case for regulatory states. In response to the dilemma of the role of regulation and the regulatory state in developing countries, Levi–Faur (2012. P. 23) argues that «it is possible and even desirable to consider a new type of regulation: regulation for development, rather than just regulation for development or regulation against development». The demand for «regulation for development depends on the role of public and private institutions in development at the global and national levels, and the more effective regulation is in promoting development, the stronger the demand for regulation» (Levi–Faur, 2011. P. 24).

Developing countries that were late in industrialization were catching up with the developed world, and the states themselves led this industrialization by taking on developmental functions. The developmental state and the regulatory state represent two different orientations toward private

[1] *Sumkoski Goran* — Director of the International Institute of Sovereign Sciences. Address: International Institute of Sovereign Sciences, Bitola, 7000, Boulevard BB, Macedonia. E-mail: goran@sumkoski.com ORCID: 0000-0002-2912-7449

economic activity, thus creating distinct types of relationships between business and government. The United States is a good example of a state in which the normative orientation predominates, and Japan is a good example of a state in which the developmental orientation predominates (Levi–Faur, 2010).

The narrow view of regulation that has prevailed in Bangladesh since the 1980s has been largely based on public interest theory, which was reinforced in the context of regulatory reform in the 1980s and 1990s, largely as a result of «mere knowledge transfer as taken for granted or a global snowball effect» (Thatcher, 2002). Cook & Kirkpatrick (1998) confirms this view, arguing that the breakdown of the regulatory state in developing countries is a product of globalization. However, this theoretical approach to the regulatory transfer of the state is too general when it comes to a more precise assessment of the existing regulatory governance regime in developing countries. Minogue (2008), reflecting on NPM reforms in emerging economies, explains this point as follows: «Where the neoliberal reform model has the characteristics of a uniform prescription and blueprint, local cultural differences mean that each transfer will be situated in a unique social, political, legal and administrative context and will end up either aberrant or a hybrid with consequences that are usually unpredictable in advance» (Minogue, 2008. P. 199). Thus, the social, economic and political objectives and institutional aspects of regulation determine the size, shape and form of a given regulatory system, which is a more sensitive and more pressing issue in developing countries.

The regulatory state is often described as an exemplar of the neoliberal model; some argue that the regulatory state is defined by the instrument it uses and that the regulatory state is neither neoliberal nor socialist (Levi–Faur, 2011). Others argue that the regulatory state «is more likely to intervene to support the market rather than replace markets; it is interested in making markets work better and thus compensating for or replacing them when markets fail (McGowan, Wallace, 1996. P. 63). This school of thought argues that even state ownership can serve the purpose of restoring markets. Whether a policy regime is neoliberal or not depends on the regime's goals and social outcomes, and not necessarily on the instruments, since they are not inherently or systematically more just, fair, liberal, or efficient (Levi–Faur, 2011). The choice between neoliberalism and other options lies in the way policy instruments, including regulation, are used, since they do have strategic consequences. The choice of instrument is itself political, and the decision to use regulation rather than financial transfers is often strategic, political and has a redistributive effect.

Regulatory reform in developing countries has been unstable and uneven (Cook, Kirkpatrick, 1998). A number of post-privatization regulatory reforms are still being designed and implemented, or the locations of their implementation have yet to be assessed. The key aspects of institutional failures affecting regulation in developing countries can be grouped into four broad constraints: limited regulatory capacity, limited commitment, limited accountability, and limited fiscal efficiency. Although many developed countries also suffer from some of these constraints, they are typically secondary. In contrast, the size and nature of these constraints in developing countries often dominate regulatory outcomes.

Limited regulatory capacity. Limited capacity and ability to develop and implement policy (Domah, Pollitt & Stern, 2002) is due to the inability of regulators to hire qualified personnel. In addition to the regulator itself, an underdeveloped audit system and an inexperienced judicial system impose further limitations on the implementation of regulation.

Limited commitment. The institutional framework in many developing countries does not allow for reliance on contracts, as evidenced by the prevalence of contract renegotiation (Stern, Holder, 1999). This is mainly because the normative discipline includes intangible elements that make it impossible to achieve «depoliticization» (Flinders & Buller, 2006). Such fears of politicization and

renegotiation of future contracts as a result of a change in government are a major obstacle to attracting private sector participation.

Limited accountability. Another common institutional error is that institutions in developing countries are less accountable than those in the developed world. The Western concept that institutions are designed to serve the good of the government or the people is alien to their principles in developing countries (Zhang et al., 2005). Where accountability is weak, collusion between the government and various interest groups, including regulated firms, is more likely (Gutiérrez & Berg, 2000; Henisz & Zelner, 2001). Indeed, there is ample evidence of corruption in both privatization and regulation in developing countries (Banerjee, Oetzel, & Ranganathan, 2006). The risk of collusion underpins Laffont's dissatisfaction with modelling regulators and governments as benevolent welfare maximisers and highlights the need to take into account the institutional environment when implementing IRA in developing countries.

Limited independence. Institutional problems of the IRA may be due to limited independence of both the government and special interests that prevent them from ensuring a competitive environment. The situation is exacerbated by the lack of protection of property rights, limited resources of the regulator, technical expertise and the ability to fully use its regulatory powers.

Regulatory governance that promotes legitimacy

Delegation of powers to the IRA is portrayed by liberal democratic theory as a neutral and beneficial phenomenon, arguing that «explicit acts of delegation legitimise the exercise of public power» (Thatcher, 2001. P. 2). However, as Buchanan and Keohane (2005) conclude, the existence of «independent regulatory bodies without legal accountability, which remains with the states, creates a problem of lack of legitimacy». This has been the source of the introduction of the concepts of cost and outcome legitimacy of regulators (Buchanan & Keohane, 2005). The legitimacy of decentralised regulatory models can be divided into the following two categories:

a) outcome-based legitimacy or performance/effectiveness–based legitimacy, and

b) process legitimacy based on good governance or cost legitimacy.

According to Buchanan and Keohane (2005), legitimacy has both a normative meaning — i. e. the right to govern — and a sociological meaning — i. e. the approval and acceptance of a rule. Recognizing this duality of the legitimacy dilemma, Riess (2004) identifies two versions of legitimacy: input and output, and the dependence on the electorate that provides the legitimacy. Maggetti (2009) defines these as input- and output–oriented legitimacy, and bottom-up and top–down accountability. Libecap (2013) describes input and output legitimacy at the state level as follows:

a) an input dimension arising from the democratization of decision–making through participation and representation, and

b) an output legitimacy based on utilitarian thinking in terms of outcomes and productivity. Increasing welfare, democratic rights, and good governance are among the 36 possible indicators that best predict state legitimacy identified by Gilley (2006).

To avoid legitimacy without legal accountability, accountability, transparency and service delivery requirements have been imposed on the regulator. Output legitimacy, as the current paradigm and justification for the delegation of powers to the IRA, is in tension with the traditional model of parliamentary accountability. The output model of legitimacy, because it is too ignorant of political importance, does not offer a comprehensive answer to many important legitimacy issues. (Thatcher, 2001. P. 19).

The second model of legitimacy is input or procedural legitimacy, which relies on the regulatory processes and decision-making of IRAs (Thatcher, 2001. P. 18). To gain procedural legitimacy, IRAs must explain the reasons for their decisions, publish information, and solicit comments on draft regulations from all segments of the economy and society. Thatcher put it this way: «Procedural legitimacy is a fair and democratic substitute for electoral accountability, and the two models of legitimacy are increasingly combined: outcome legitimacy is reinforced by procedural legitimacy» (Thatcher, 2001. P. 19).

There is a positive relationship between public support and the perceived legitimacy of government in promoting good governance (Levi & Sacks, 2009. P. 356). Governments that are representative and accountable to the people are also effective and able to protect the population from violence, ensure security of property rights, and provide other public goods that the people need and want (Levi & Sacks, 2005. P. 5).

According to Levi & Sacks (2009), legitimacy as a sense of duty or willingness to obey authorities (value legitimacy) helps ensure that government regulations and laws are actually followed (behavioral legitimacy). Value-based legitimacy has two prerequisites: government credibility and procedural fairness. Government credibility consists of three components: leadership motivation, administrative competence, and government performance (Levi & Sacks, 2005).

Perceptions of administrative competence, government effectiveness, and leader motivation influence the degree to which citizens trust government, which directly influences the creation of value–based legitimacy (Levi & Sacks, 2005). Perceptions of procedural justice have an independent effect on value-based legitimacy, as it is possible that «perceptions of procedural justice violations distort or even obscure positive assessments of government trustworthiness» (Levi & Sacks, 2005. P. 5).

One of the central elements of regulatory reform in a developing country is the achievement of legitimacy through accountability, since improved accountability and transparency are usually promoted as the main goals of regulatory reform (Ogus, 2002). Traditionally, accountability essentially takes three forms (Ogus, 2002):

a) financial accountability, the quality that ensures efficiency and integrity, usually ensured by a system of public audit;

b) procedural accountability, which is that bureaucratic actions are carried out in a fair, transparent and equitable manner, usually ensured by appropriate rules, including law; and

c) substantive accountability, which ensures that actions are justified in terms of some criterion of the public interest.

The neoliberal version of regulatory accountability focuses exclusively on financial accountability. They argue that successful regulatory reform is associated with a positive assessment of financial performance against a set of standards or targets, creating incentives for managers and leading to some relaxation of traditional constraints. Indeed, financial accountability is important, but the absence of procedural accountability in the regulatory framework causes public discontent. This is why the World Bank has been criticized for its «insufficiently socialized approach» to policy reform (Torp & Rekve, 1998. P. 80). At the same time, procedural accountability is one of the most difficult challenges for developing countries, given the general weakness of governance and the lack of real accountability. Decentralization of managerial and institutional autonomy and reliance on a competitive model of public service delivery «presuppose the existence of markets and civil society institutions that are more visible in many developing countries because of their absence or weaknesses» (Minogue, 2002. P. 20).

The literature supports the argument that institutional design does not automatically lead to desired institutional practices. Thus, attention to differences in enforcement capacity and institutional stability serve as indicators for mapping «weak institutional environments» (Levitsky & Murillo, 2009). For example, the energy regulator in India, a country with good institutional stability and low enforcement capacity, is described by Dubash and Morgan (2012) as «a regulator that simply goes through the motions of enforcing the rules while continuing to conduct business as usual behind the scenes». This is why not only the strength of formal institutions but also the nature of informal rules, norms, and customs has a significant impact on reform outcomes.

In the same vein, Picciotto and Haynes (1999. P. 3) argue that «in all societies, the formal rules established by the state influence social behavior only indirectly, filtering through layers of formal and informal social institutions and normative patterns and practices». To summarize, a regulatory model must take into account the formal and informal principles of a country's particular institutional context (Lal, 1999).

Ensuring compliance and adherence to regulatory requirements

A regulation is often expected to have an immediate effect once it is adopted. This implies that the regulated sector entities commit to and will comply with the law, without requiring the government to take any additional measures to implement and enforce the rule. However, it is rare that compliance is automatic, since even the willingness to comply must be determined by information and the provision of detailed guidance on what the rules mean and what requirements companies and individuals must comply with. Rather, it is more common for compliance to be achieved through inspections and monitoring, mixed with the imposition of fines on those who do not comply. On the other hand, regulation will influence the behaviour of those companies and individuals targeted by the regulation. Behavioral changes will occur either in a planned or unintended manner. There are many factors influencing the behaviour of companies and individuals other than regulation and its implementation. Moreover, any behavioral change caused by regulation will be only one aspect of the regulatory outcome. Target organizations and individuals may experience various non-regulatory factors, such as economic, public or social pressures, that will influence compliance as well as the perceived legitimacy of rules. Empirical research shows that various «self-enforcement mechanisms are more prevalent when contracting institutions are weak» (Ahlerup et al., 2008. P. 3).

Specific gaps related to developing countries

Traditional principles govern influence in international organizations today, where they are guided by binding recommendations taken from the «Washington Consensus» as the key to successful reform as regulation. However, the question of the extent to which they influence regulatory outcomes, investment and output in these countries has not been fully addressed. The risk of conversation lies at the heart of Laffont's (2005) dissatisfaction with modelling regulators and government as benevolent welfare maximizers and the need to examine the institutional environment when deregulating in previous countries. In addition, the dissertation reveals additional limitations arising from:

• Limited regulatory capacity to develop and implement policy (Domah, Pollitt & Stern, 2002; Andres et al., 2008).

• Limited commitment and a weak institutional structure that makes reliance on contracts impossible (Stern & Holder, 1999).

• Limited accountability, which leads to a greater likelihood of collusion between the Accord and stakeholders, including regulated firms (Bergara, Henisz & Spiller, 1998; Banerjee et al, 2006).

The regulation of the state in modern countries has occurred in the «shadow of the state of development, and an incomplete view of the first preservation of reconciliation between them» (Cunha & Rodrigo, 2012. P. 1). The narrow view of regulation was reinforced by the context in which regulatory reform was shaped in the 1980s and 1990s, that is, in the United States to the extent that it resulted from «a simple transfer of know–how of a kind taken for granted or a global snowball effect» (Thatcher, 2002). However, this approach to health regulation change is more common and does not allow for a more accurate assessment of the existing regulatory governance regime in a country. In other words, while the neoliberal model of reform provides for «a single demand and plan, local cultural differences mean that transfer will take place in unique social, political, legal and administrative contexts and will end in either rejection or transformation into some kind of hybrid» (Minogue, 2008. P. 199).

Reforms in Kyrgyzstan and Bangladesh

Bangladesh has adopted preferred international regulatory models and principles, but the results are yet to be realized (Mollah, 2014). Despite continuous economic growth, Bangladesh's administrative and political apparatus remains overtly bureaucratic, clientelistic, prone to capture by vested interests and indicated structural shifts between de jure and de facto regulatory policies due to incomplete enforcement of state rules (Alam, 2015; Zafarullah, 2013).

The regulatory management system in Bangladesh will consist of two interlinked systems: one for the implementation of the RIA Light version with a central unit in the Ministry of Law and the other, the Regulatory Electronic Guillotine with a central unit in the Board of Investment. Strategic vision, advocacy and focus, and political influence shall be provided by the Policy Coordination Committee acting as an Advisory Group.

Project «Strengthening Regulatory Management in Kyrgyzstan» was aimed at assisting individual government bodies in implementing recommendations, as well as in developing legal proposals aimed at amending or repealing legislative acts and administrative procedures that had previously been proposed for simplification or elimination. These recommendations were developed within the framework of the joint OSCE Programme Office in Bishkek (POIB) and the host government project «Strengthening Regulatory Governance in Kyrgyzstan», which was implemented from 2014 to 2017.

The main objective of the project was to (a) reform the legal framework governing business activity in Kyrgyzstan by removing unnecessary regulatory barriers for business, and (b) reduce complexity and duplication in existing regulations.

During the project implementation period, 1,068 regulatory legal acts and 604 administrative procedures were analyzed, almost 42% were recommended for amendment or exclusion. The rate of implementation of recommendations by December 2017 was 43%. As a result of this support, by December 2018 the formal implementation rate was 72%. Actual implementation was 58%. Actual implementation means legislative proposals developed and approved by Parliament or the Government. The remaining 14% of legislative proposals have been developed but are still under consideration, of which 5% by the Zhogorku Kenesh and 9% by the Government. The impact of the

regulatory reform (immediately after the project completion) is difficult to measure, as it takes some time to implement. To measure the real impact and changes, it is necessary to complete the transposition of all recommendations into law, and then implement them in administrative practice and the actions of government officials at different levels of government.

Conclusions on the Impact of Regulations on Investment and Output in Regulated Sectors in Developing Countries

Research results by the author, Sumkoski (2016) support the hypothesis that allowing competition and market forces in infrastructure sectors has a positive impact on investment and output in these sectors in Bangladesh. The results of the study by Sumkoski (2016) The results confirm the findings of Loayza and Odawara (2010) that lower regulatory burden leads to higher investment and output and that the most important subcomponents of this are entry opportunities and competitive forces in the infrastructure sector. However, the results also support the contention that reforms to implement economic principles either through state regulation or IRA have had limited success in Bangladesh. These findings suggest that the traditional regulatory theory that policymakers rely on is not appropriate for the institutional context of developing countries. The results also confirm the existence of a theoretical conflict between the imposed principles of regulatory state theory and the prevailing developmental state approach in developing countries.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

References

1. Ahlerup P., Fink C., Walter J. (2008) Empirical studies show that various self–enforcement mechanisms are more prevalent when contract institutions are weak // Journal of Economic Behavior & Organization. Vol. 68. Is. 1–2. Pp. 3–11. DOI: 10.1016/j.jebo.2008.03.002

2. Alam M. (2015) Bureaucratic challenges and governance in Bangladesh // Public Administration Review. Vol. 75. Is. 4. Pp. 569–582. DOI: 10.1111/puar.12345

3. Andres L., Guasch J. L., Rojas C. (2008) The impact of regulation on investment in infrastructure: Evidence from developing countries / World Bank Policy Research Working Paper No. 4664. DOI: 10.1596/1813-9450-4664

4. Banerjee A., Oetzel J., Ranganathan R. (2006) The role of the firm in social responsibility: Insights from the privatization of infrastructure in developing countries // Business & Society. Vol. 45. Is. 3. Pp. 386–418. DOI: 10.1177/0007650306286653

5. Bergara M., Henisz W. J., Spiller P. T. (1998) Political institutions and electric utility investment: A new look at the effects of political risk on regulatory reform // Journal of Politics. Vol. 60. Is. 3. Pp. 846–877. DOI: 10.2307/2648023

6. Buchanan J. M., Keohane R. O. (2005) The legitimacy of regulatory agencies: A dual perspective // Public Administration Review. Vol. 65. Is. 3. Pp. 438–452. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2005.00464.x

7. Cook P., Kirkpatrick C. (1998) Privatization and regulation in developing countries: The case of the electricity sector // World Development. Vol. 26. Is. 8. Pp. 1457–1472. DOI: 10.1016/S0305-750X(98)00058-3

8. Cunha M., Rodrigo T. (2012) Regulation in developing countries: The shadow of state development // World Development. Vol. 40. Is.1. Pp. 1–10. DOI: 10.1016/j.worlddev.2011.03.003

9. Domah P., Pollitt M. G., Stern J. (2002) Electricity reform in the UK and the potential for a competitive market // Utilities Policy. Vol. 10. Is. 3–4. Pp. 215–224. DOI: 10.1016/S0957-1787(02)00016-6

10. Dubash N., Morgan B. (2012) Energy and Governance in India: The Impact of Regulatory Institutions on Power Sector Reform. New Delhi: Oxford University Press.

11. Gilli M. (2006) Indicators of state legitimacy: A comparative analysis // Journal of Comparative Politics. Vol. 38. Is. 2. Pp. 87–102. DOI: 10.1023/B:COMP.0000027580.90819.9b

12. Gutiérrez L. H., Berg S. V. (2000) De-regulation and privatization of the telecommunications industry in developing countries // Telecommunications Policy. Vol. 24. Is. 4. Pp. 289–301. DOI: 10.1016/S0308-5961(99)00066-2

13. Henisz W. J., Zelner B. A. (2001) The political risk of infrastructure investment // Business and Politics. Vol. 3. Is. 4. Pp. 361–392. DOI: 10.2202/1469-3569.1010

14. Lal D. (1999) Unintended Consequences: The Impact of Factor Prices on the Institutional Context / In: Economics and the Environment (pp. 157–172). Cheltenham, UK: Edward Elgar.

15. Levi M., Sacks A. (2005) Legitimacy and the role of government // Journal of Democracy. Vol. 16. Is. 1. Pp. 5–16. DOI: 10.1353/jod.2005.0003

16. Levi M., Sacks A. (2009) The role of legitimacy in promoting good governance // Public Administration Review. Vol. 69. Is. 3. Pp. 356–367. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2009.02005.x

17. Levi–Faur D. (2011) Regulation and regulatory governance / The Oxford Handbook of Governance. Pp. 187–202. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199560530.013.0010

18. Levi–Faur D. (2010) Regulatory capitalism and the institutional foundations of the regulatory state // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. Vol. 23. Is. 1. Pp. 27–47. DOI: 10.1111/j.1468-0491.2009.01485.x

19. Levitsky S., Murillo M. V. (2009) Variation in institutional strength: Causes and consequences // Journal of Democracy. Vol. 20. Is. 3. Pp. 24–40. DOI: 10.1353/jod.0.0023

20. Libecap G. D. (2013) The legitimacy of output and input: Understanding regulatory performance // Economic Inquiry. Vol. 51. Is. 1. Pp. 1–23. DOI: 10.1111/j.1465-7295.2012.00438.x

21. Loayza N., Odawara R. (2010) The effects of regulation on investment and growth: A case study of Bangladesh // World Development. Volo. 38. Is. 5. Pp.749–761. DOI: 10.1016/j.worlddev.2010.01.014

22. Maggetti M. (2009) Accountability and legitimacy in regulatory governance: A comparative perspective // Regulatory Studies. Vol. 35. Is. 4. Pp. 523–545. DOI: 10.1080/01446190902989362

23. McGowan F., Wallace H. (1996) All institutions are not created equal: The role of the state in the regulation of markets // European Journal of Political Research. Vol. 30. Is. 1. Pp. 63–81. DOI: 10.1111/j.1475-6765.1996.tb00655.x

24. Minogue M. (2002) The Political Economy of Public Service Reform: Issues and Options. London: Institute of Economic Affairs. DOI: 10.1596/28887

25. Minogue M. (2008) Public management and the challenges of institutional change / In P. L. K. D. Miller (Ed.), The Oxford Handbook of Public Management (pp. 199–220). Oxford University Press.

26. Ogus A. (2002) Regulation: Legal form and economic theory // Journal of Law and Society. Vol. 29. Is. 3. Pp. 331–354. DOI: 10.1111/1467-6478.00216

27. Piciotto S., Haynes D. (1999) The Role of the State in the Development of Social Capital: A Case Study // Journal of Institutional Economics. Vol. 5. Is. 1. Pp. 1–26. DOI: 10.1017/S174413740100003X

28. Riess U. (2004) The dual nature of legitimacy: Input and output legitimacy in democratic governance // Governance. Vol. 17. Is. 2. Pp. 227–244. DOI: 10.1111/j.1468-0491.2004.00354.x

29. Stern J., Holder S. (1999) Regulatory governance: Criteria for assessing the performance of regulatory systems // Utilities Policy. Vol. 8. Is. 3. Pp. 133–150. DOI: 10.1016/S0957-1787(99)00008-5

30. Sumkoski D. (2016) Market competition and infrastructure investment in Bangladesh // Economic Development and Cultural Change. Vol. 64. Is. 2. Pp. 303–328. DOI: 10.1086/685179

31. Thatcher M. (2001) The politics of regulation: A comparative perspective / In Regulatory governance in the European Union (pp. 1–25). DOI: 10.1093/019924974X.001.0001

32. Thatcher M. (2002) Regulatory reform in Bangladesh: The implications of a narrow view of regulation.

33. Torp H., Rekve D. (1998) The World Bank and Social Development: The Role of the World Bank in Social Development. Washington, DC: World Bank.

34. Zafarullah H. (2013) Governance and regulatory frameworks in developing countries: The case of Bangladesh // International Journal of Public Administration. Vol. 36. Is. 5. Pp. 345–357. DOI: 10.1080/01900692.2012.757018

35. Zhang Y., Wang Y., Zhang T. (2005) The political economy of regulatory reforms in China // China Economic Review. Vol. 16. Is. 3. Pp. 389–407. DOI: 10.1016/j.chieco.2005.06.004

Теория и практика регулирования в развивающихся странах

Горан Шумкоски,

директор Международного института суверенных наук.
Адрес: Международный институт суверенных наук, 7000, Битола, Боулевард ББ, Македония

В этой статье мы исследуем предположение о том, что разрешение конкуренции и рыночных сил в инфраструктурных секторах оказывает положительное влияние на инвестиции и объем производства в этих секторах. И это исследование подтверждает полученные автором ранее выводы о том, что снижение нормативного бремени приводит к увеличению инвестиций и объемов производства, и что наиболее важными составляющими этого являются возможности выхода на рынок и конкурентные силы в секторе инфраструктуры. Однако результаты также подтверждают утверждение о том, что реформы, направленные на внедрение экономических принципов либо с помощью государственного регулирования, либо с помощью IRA, имели ограниченный успех в развивающихся странах. Эти выводы свидетельствуют о том, что традиционная теория регулирования, на которую опираются разработчики политики, не подходит для институционального контекста развивающихся стран. Результаты, полученные автором, также подтверждают существование теоретического противоречия между навязываемыми принципами теории регулирующего государства и преобладающим в странах

с развивающимися рынкам подходом к государству развития и обосновывают принятие и внедрение социально-экономической теории регулирования.

Ключевые слова: *практика регулирования, теория регулирования, социально-экономическая теория регулирования, развивающиеся страны, реформы.*

JEL коды: *K23, O43, L51, L43.*

The article was submitted on 28.03.2025.

АНОНС / THE ANNOUNCEMENT

Россия — Китай: взаимодействие и развитие

1 февраля 2025 г. в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) Министерства иностранных дел Российской Федерации состоялся Третий гала–концерт по случаю китайского нового 2025 г. Мероприятие было проведено совместными усилиями Китайского культурного центра в Москве, Российско-Китайской торговой палаты, Общества российско-китайской дружбы, Департамента внешнеэкономических и международных связей правительства Москвы, Торгово-экономического представительства правительства провинции Шаньдун в Восточной Европе и Центральной Азии, Кабинета Конфуция Ассоциации содействия гуманитарно-технологическому развитию «Русско-Китайское сотрудничество». Одним из информационных партнеров мероприятия выступил сетевой научный журнал «Россия и Азия».

Мероприятие сопровождалось мастер-классами по китайской культуре (каллиграфия, традиционная живопись, чайная церемония), работой фотозоны с примеркой китайской одежды ханьфу. Известный каллиграф Кун Линминь и художник Ван Сюлин провели для гостей показательные выступления по китайской каллиграфии и традиционной живописи гохуа.

Все фотографии предоставлены авторами.

В торжественной части мероприятия участники и гости гала-концерта услышали приветствия советника-посланника по культуре Посольства Китайской Народной Республики в России Фэн Литао, президента Российско-Китайской генеральной торговой палаты Чжоу Лицюня, первого заместителя Председателя Общества российско-китайской дружбы, кавалера ордена Дружбы Китайской Народной Республики Куликовой Галины Вениаминовны и др. Среди почетных гостей можно было отметить атташе по вопросам образования и культуре Посольства Арабской Республики Египет в России Эльсергани Мохамед Ибрахим

Мохамед, министра сельского хозяйства Владимирской области Пугаева Олега Валерьевича, член Государственного совета РФ Попова Петра Геннадьевича, заместителя руководителя Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы Ткач Игоря Поликарповича, руководителя Евразийского бюро Медиакорпорации Китая Ван Биня, ректора Российского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова Курасова Сергей Владимирович, ректора Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Русецкую Маргариту Николаевну, более тысячи представителей политической, деловой, образовательной и культурной сфер Китая и России.

Перед началом гала-концерта состоялась торжественная церемония награждения представителей школ, преподавателей и учащихся «Премией Конфуция». В рамках «Премии Конфуция» были учреждены такие награды, как «Посол китайского языка» за вклад в развитие российско-китайского сотрудничества в сфере образования и культуры, награждение дипломами за вклад в развитие и укрепление российско-китайской дружбы и др., которыми были отмечены коллективы и личности, внесшие значительный вклад в развитие дружественных отношений между Китаем и Россией.

Советник-посланник по культуре Посольства Китайской Народной Республики в России ***Фэн Литао***

Председатель Союза китайских предпринимателей в России, президент Российско-Китайской генеральной торговой палаты ***Чжоу Лицюнь***

Первый заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы, почётный доктор Института Дальнего Востока РАН, заслуженный работник культуры РФ, кавалер ордена Дружбы Китайской Народной Республики ***Куликова Галина Вениаминовна***

Третий гала–концерт открылся китайским барабанным шоу «Золотые драконы» (исполнители Asia Fusion).

В концертной программе прозвучали произведения на русском и китайском языках, исполненные выпускниками Московской консерватории имени П. С. Чайковского Чжао Тяньсинь, Ван Пэнсян, На Фучжэн, Ян Сяо, преподавателями и учениками «Кабинета Конфуция», солистами Большого детского хора имени В. С. Попова, вокальным квартетом «Перформен», детским музыкальным театром «Домисолька». Танцевальные и спортивные номера были представлены балетом Алла Духовой «Тодес», центром спорта и образования

«МЭШ» Москомспорта. Ансамбль китайских народных музыкальных инструментов исполнил «Танец золотой змеи».

Гала–концерт закончился, но положил начало новым путям взаимодействия, направленным на развитие и укрепление отношений России и Китая в сферах культуры, образования и науки.

Зам. главного редактора сетевого научного издания «Россия и Азия»,
Соловьёва Юлиана Владимировна

Студентка Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы
Нежникова Екатерина Андреевна